

Гай Юлий Орловский

Юджин

ПОВЕЛИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ

Патроны чародея

Гай Юлий Орловский
Патроны чародея
Серия «Юджин – повелитель
времени», книга 3

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9523595

*Орловский, Гай Юлий. Юджин – повелитель времени. Книга 3.
Патроны чародея : [фантастический роман]: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-79580-2*

Аннотация

Казалось, еще вчера москвич Евгений наслаждался дарами цивилизации... Но все изменилось в одно мгновение, и внезапно перед ним раскинулся волшебный мир, где три солнца и три луны, маги двигают горы, а в лесах и горах прячутся химеры... Сумеет ли глерд Юджин жить по законам чести, как здесь принято, или сбежит обратно, туда, где вместо могучего скакуна – комфортабельный автомобиль?

Новинка от создателя легендарного цикла «Ричард Длинные Руки»!

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	27
Глава 4	40
Глава 5	51
Глава 6	61
Глава 7	68
Глава 8	80
Глава 9	90
Глава 10	103
Глава 11	115
Глава 12	122
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Гай Юлий Орловский

Юджин – повелитель времени. Книга 3.

Патроны чародея

© Орловский Г.Ю., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Часть первая

Глава 1

Зеленая свежая трава бросается под конские копыта шаловливо и с разбега, голубовато-зеленое небо проплывает на головами медленно и солидно, а исполинское оранжевое солнце светит чисто и ясно, высвечивая мир до самого горизонта.

Зеленое солнце, как меня заверили, не появится еще несколько месяцев, но если вместе с оранжевым, что чаще всего, то при нем ведет себя мирно, не пакостит, как ребенок при строгом родителе.

Я посматривал по сторонам, с удовольствием замечая не только отважно взлетающих над кустами разноцветных птичек, но и трусливо спрятавшихся между ветками. Моя чувствительность в этом мире растет, только бы не за счет моего великолепного ума или чего-нибудь еще более нужного.

Фицрой покачивается рядом в седле превосходного и богато украшенного цветной попоной коня, сам в шляпе с пером, франтоватый, на плечах роскошный плащ, поверх вязаной рубашки кираса из черной бронзы, а кожаным брюкам и сапогам может позавидовать даже король.

Я тоже одоспешился, я же глерд, а мы, как папуасы, все

богатство должны носить на себе, чтобы усилить и подчеркнуть доминантность. Настоящая металлическая кираса, наручи и поножи, которые я выбрал из груды трофеев, подошли отлично, как на меня делали, а остальную одежду выбрал в гардеробе опального герцога.

По краю леса, бдительно наблюдая за нами, проплывают мимо, как водится, самые могучие великаны, только одно дерево, неосторожно выступившее на полшага за линию, некая сила скрутила втрое-вчетверо, словно хозяйка, выжимающая воду из мокрой тряпки. Ветви обломаны, содрана часть коры исполинскими ладонями, если то были ладони, а само дерево теперь похоже на гигантский жгут.

Я кивнул в его сторону.

— Что с ним, как думаешь? Маг пробовал силу?

Фицрой пожал плечами.

— Или темный смерч задел. Чародеи иногда швыряются...

Видишь, лет сто назад зацепило, а все еще живет и тянется... Так и люди, покалеченные в боях, часто живут дольше тех, кто всегда во дворце... Ты не бойсь, так короче, если не прыгать в стороны...

Дорога снова нырнула в лес, неприятно сумрачный, деревья все темные, сверху лучи едва пробиваются, потому мир вокруг нас серый и бесцветный, а воздух влажный, холодный. Внизу в распадках от земли поднимается такой густой туман, что не видно копыт, а поваленные деревья покрыты слизью и блестят, как гигантские улитки.

Фицрой сказал бодро:

– Это самая прямая дорога на стольный град Санпринг!.. Хотя это не дорога, но разве героям нужна такая ерунда?

– Достаточно и направлений, – согласился я несколько напряженным голосом. – Хотя вообще-то понимаю, почему дорога делает такую гигантскую петлю...

– Да, – согласился он, – тут завалы на завалах. Не то что повозки, даже конный отряд не пройдет.

Над кустами взлетела стайка птиц. Фицрой тут же проследил за ними заинтересованным взглядом.

– А на лету сможешь?..

– Вряд ли, – ответил я.

– Ну попробуй, – сказал он настойчиво. – А то вдруг твой магический арбалет растерял магию. Я начинаю бояться.

– Ты? – переспросил я. – Хотел бы такое увидеть.

Он с жадным интересом смотрел, как я быстро-быстро, немного рисуясь, выхватил пистолет из кобуры и пять раз выстрелил в ствол огромного дуба. После каждого удара тяжелой пули во все стороны разбрызгивались куски толстой коры, а в ветвях протестующе закричала птица.

Фицрой покрутил головой.

– Быстро... Да, это не арбалет. Но в птиц не попадешь?

– Наоборот, – сказал я, – вдруг да попаду?.. А за что? Птицы не люди, тех убивать можно и нужно, а птицы – существа безвинные.

Он фыркнул.

– Ах-ха, какой ты... правильный. Птиц и я убивать не люблю. И не убиваю. Если, конечно, мелкие. А вот гусей, уток...

– Гусей можно, – рассудил я. – Гуси как бы уже не птицы, раз их едят. Мы демократы, потому подходим к каждому случаю индивидуально. Все для человека, все во имя человека!.. Аминь.

– Аминь, – ответил он и посмотрел на меня с интересом. – Ты был в западных королевствах?

– Нет, – ответил я. – А что?

– Там говорят именно так, – пояснил он. – Правда, не люди, а монахи.

– А люди?

Он отмахнулся.

– У людей своя религия. Или нет вовсе.

Из-за деревьев начали подниматься черепичные крыши сельских домиков. Я смотрел без интереса, Фицрой начал с азартом рассказывать, как он однажды сумел перевести в одно закрытое от чужих глордство целую телегу гангнуса, никто и ухом не повел, а он все сумел выгодно продать и вовремя вернуться...

Я слушал вполуха, раздражение на свалившиеся обязанности поднимается снова, тем более отвратительное, что их вроде бы совсем легко избежать в том смысле, что спасение рук утопающих – дело самих утопающих, однако у этих мирных идиотов абсолютно нет шансов защититься... а дело по-

ставлено так, что их защита на мне по правилу «любишь кататься – люби и саночки возить», но дело в том, что мне и катание это на фиг сдалось.

Как только прибью ту тварь с крыльями, сказал себе с яростной решимостью, сразу же все брошу и вернусь в свой домик, где все так сытно, кузявно и няшно. И никуда больше ни ногой! Даже на митинг трансгуманистов не пойду, пусть все сами, все сами, а я просто дождусь сингулярности и милостиво позволю им дать мне в рамках гуманитарной программы вечную молодость и бессмертие.

На дорогу из-за деревьев вышел древний мужик в довольно чистой одежде, не углежог, весь в седой бороде от самых ушей, но глаза орлино круглые, поклонился.

– Благородные глерды...

Я вскинул руки.

– Спасибо-спасибо, но мы торопимся. Никаких пиров, никакого права первой брачной ночи. Едем и даже спешим по делам.

Он посмотрел на меня непонимающе.

– Глерд?.. Я хотел сказать, что раз уж вы тут, то не заглянете ли во-о-о-он в ту хатку. Там наш самый лучший лекарь...

– Я не болен, – отрезал я. – Мало ли что вам наговорят! Я вообще как вон те дубы, крепок и все такое. В смысле, и голова у меня такая же. Литая, можно сказать с гордостью.

Он договорил, я даже не уверен, что старик меня слушает, старики больше привыкли, что слушают их, да еще требуют,

чтобы слушали внимательно и почтительно.

– ...но его вчера убили.

– Мои соболезнования, – сказал я дежурно. – Фицрой, поехали!

Старик повысил голос:

– А это был наш не только лучший, но единственный лекарь. К нему сходились с трех сел!

– Семейная ссора? – спросил я. – Я как-то по бытовым вопросам не мастер. Мне подавай международные заговоры. И кризисы геополитики. Так что я пру дальше, извините, приношу свои соболезнования еще раз...

Он вытаращил на меня глаза.

– Вы что... даже не зайдете?

Я ощутил, что совершу какое-то святотатство, даже Фицрой посмотрел как-то странно и с неодобрением.

– Зайду, – ответил я сердито и с усилием, – если так принято. Чтобы еще и родне выразить свои искренние сочувствия, соболезнования и оказать поддержку. Моральную, разумеется.

У той хатки, на которую указал старик, толпятся люди. Мне показалось, нездешние, местные уже знают, что лекарь мертв, а это пришли из других сел, в руках узелки с подношением, в селах монеты не в ходу, в моде вечно живой и бодрый бартер.

Навстречу вышел могучий и еще более древний старик с седой бородищей ниже пояса, с могучими белыми бровями

вразлет, что делает его похожим на филина, широкий в плечах и с совсем небольшим брюхом.

Он поклонился с таким чувством достоинства, словно это он знатный глерд и великодушно принимает голодного и озябшего путника.

– Меня зовут Кешарий, – назвался он. – А это мой младший брат. Иногда мне помогает, когда не лежит пьяный и не ходит по чужим женам. Спасибо, что прибыли так быстро...

Я обернулся к молчаливо наблюдающему Фицрою.

– Что, это тоже мое село?

Он растянул рот в злорадной усмешке.

– Последнее, перед границей с землями глерда Велаголия.

– Что за хрень, – сказал я с тоской, – а можно сейчас от него отказаться? И пусть свои проблемы решают сами, как при демократии?

Он покачал головой.

– Увы, сейчас это точно ваши люди.

Я с чувством приближающихся неприятностей повернулся к старику.

– Что стряслось?

Он кивнул в сторону хатки, что при ближайшем рассмотрении оказалась всего лишь просторной хижинкой.

– Там жил наш единственный лекарь. Не только наш... к нему ходили из самых дальних сел. Мы даже не знаем, откуда. Но ходили.

– И он всем помогал?

– Да. Всем.

– А другие лекари есть? – спросил я, уже догадываясь об ответе. – Да, плохо дело... Теперь вам самим придется куда-то ходить.

Он вытаращил на меня глаза.

– Вы что, не собираетесь найти и наказать виновных?

– Найти и наказать, – проговорил я в замешательстве, – это сказать легко... Вот если бы вы его нашли, я с удовольствием накажу мерзавца или мерзавцев по всей строгости моего несправедливого закона. Вам это понравилось бы, уверяю! Я умею делать зрелища. Можно даже с фейерверками, если вспомню, как их делать. Поделим обязанности? Это называется делегировать полномочия на места. Вы должны быть довольны. Вам полномочия, а с вас всего лишь только налоги. Хороший обмен?

Он смотрел на меня злыми глазами.

– Глерд, это ваше дело бдить и защищать!.. Мы налоги платим!..

– Хорошо-хорошо, – сказал я, – только не надо орать. У лекаря родня есть?

– Есть, – отрубил он, – но не здесь.

– А где?

– Очень далеко, – объяснил он. – Очень!.. За рекой, а там еще и за лесом. Его старшая сестра живет там.

– К ней уже послали?

Он посмотрел с удивлением.

– Зачем?

– Как к наследнице, – сказал я с неудовольствием. – У него осталось что?..

Он почесал лоб.

– Вообще-то вон у входа сидит Пряка, никого не пускает... А то разворуют. Вещей там нет, но лекарь всю жизнь собирал всякие штуки для... гм... лечения.

Я покинул седло, кто-то сразу ухватил повод. Староста пошел за мной. У самой хижины торопливо поднялся с корточек и отпрыгнул от входа крепкий, лохматый, как медведь, парняга.

Следопыт из меня никакой, но вокруг хижины земля мягкая, и оттиски сапог никто не спутает со следами от мягких башмаков крестьян, потому я их и заметил сразу, хотя, конечно, крестьяне тоже заметили, но их примитивные мозги не слишком приспособлены решать задачи, которые лежат за пределами «бери больше – бросай дальше» и «копай от забора и до обеда».

– Ладно, – сказал я, – сперва заеду к его сестре, благо это мне по пути. Так как ее найти?

Он вздохнул.

– Она тоже иногда лечит, но брат был сильнее. Намного. Так и спросите местную лекарку. Бдилла ее зовут.

Глава 2

Фицрой поглядывает с сочувствием. Быть феодалом не так уж и сладко, почему это раньше казалось таким простым и легким?

– Не отставай, – велел он, подмигнул, погнал коня вперед, а с далекого пригорка помахал рукой и жестом велел сворачивать налево.

Деревня открылась сразу за высокими деревьями, дальше снова лес, домики расположились прямо у основания великанских и таких прямых, как заводские трубы, стволов.

На околице во все стороны шуганула босоногая ребятня. Я усмотрел самого храброго, что отважно смотрит из-за высокого плетня, крикнул:

– Эй, герой! Где живет ваша лекарша?

Он хотел было спрятаться, но преодолел страх, явно будет героем, и указал пальцем вдоль улицы.

– Вот тот домик с соломенной крышей. Там живет Шатун, у него во дворе белые козы, сразу увидите.

– Белые козы, – пробормотал я, – белые козы кушают розы... тоже белые...

Фицрой свистнул и понесся вскачь. Я догнал, когда он уже спешил и бросил повод одному из не успевших убежать местных крестьян.

– Ты только не задерживайся, – посоветовал он. – Да, надо

о них заботиться, но что-то и сами должны делать. Не давай на себя сесть и ножки свесить.

– Я бы им все полномочия передал, – буркнул я. – Кроме права первой брачной...

– Ого!

Я махнул рукой.

– Да ладно, и это бы передал, лишь бы ничего не делать и ни за кого не отвечать.

Калитка не заперта, но нас увидели, из дома выбежал лохматый мужик с печальным лицом, торопливо сорвал шапку с головы.

– Глерды?

– Бдилла, – сказал я, – здесь?

– Это моя жена, – ответил он быстро. – Она... болеет. Сильно болеет. Даже очень.

– Веди, – велел Фицрой.

Втроем вошли в дом, во второй комнате на постели лежит укрытая одеялом до груди бледная изможденная женщина. Что больна, сильно больна, видно сразу: жутко исхудавшая, кости выпирают наружу, глаза ввалились, под ними темные круги, подбородок выдвинут вперед, будто и она из потомства Габсбургов.

Я посмотрел встревоженно, что-то здесь не так. Настолько тяжело больных видеть не приходилось, древние маги успели не только модифицировать огородные растения и улучшить породы скота, но и в достаточной мере защитили людей от

большинства болезней. А эта прямо умирает в расцвете, как говорится, лет.

– Только бы не чума, – пробормотал я. – И не холера... И не «испанка»...

Муж больной спросил встревоженно:

– Глерд?

– Болезни, – пояснил я, – что передавались от одного к другому и косили целые народы...

Он сказал торопливо:

– От нее никто не заразится.

– Точно? – спросил я. – Откуда знаешь?.. Это не похоже на ревматизм.

Он кивнул, но взгляд пугливо отвел в сторону.

– Так... чуется. В общем, верю...

Я подошел ближе, начал наклоняться к ней, и тут же отдернул голову. Ноздри ощутили незнакомый запах, и хотя нюхач из меня в прошлом неважный, но от нее отчетливо пахнет мокрой псиной, такой же точно запах, когда промокшая под дождем собака вбегает в дом и нагло просится на ручки, а потом вообще лезет на голову.

Муж больной и Фицрой смотрят встревоженно, я проговорил, не поворачивая головы:

– Вы, двое, выйдите. За дверь, ясно?

Оба замялись, Фицрой вообще-то готовится возразить, я сказал резко:

– Все вон!.. Кроме больной. Вы что, думаете, сейчас буду

насиловать?

Они с неохотой вышли. Я встал и задвинул за ними засов, а когда повернулся к ложу, в моей руке пистолет уже смотрит черным зрачком дула прямо в лицо женщины.

– Запах знакомый, – сказал я. – Говори быстро, химера?

Женщина проговорила слабым голосом:

– Господин... я ничего дурного не делала...

– Это проверим, – пообещал я. – Давно здесь?

– Семь лет, – проговорила она прерывающимся голосом. – У нас ребенок... нет, он не химера... Он от предыдущей жены мужа, она погибла... Муж не знает, кто я... Никто не знает. Я ни разу...

– Хорошо, – сказал я сурово, – это хорошо, что ни разу. Никогда не поздно выйти в отставку, забыть о бурной молодости, жить простым обывателем и даже порицать распущенную молодежь. Все женщины лицемерят... А чем ты таким заболела? Я не думал, что химеры и прочие... гм... болеют!

Она почти прошептала:

– Химеры не болеют. Но я жила семь лет человеком и ни разу не становилась химерой. Потому постепенно слабела... И теперь вот вообще слегла.

– И что дальше? – спросил я.

– Умру, – ответила она тихо, глаза заблестели влагой, а голос прервался. – Но никто не узнает... что я не совсем человек..

– Ты человек, – сказал я, – раз ты человек. Я доступно объясняю?.. Да?.. А я вот себя не понял... И чем таких лечат?

Она прошептала:

– Господин, зачем это вам? Просто убейте...

– Я тебя не записывал в советницы, – оборвал я. – Может быть, я вообще сексист и женщин не допущу на высокие должности. Таких лечат или нет?

Она ответила слабо:

– Это очень трудно. Только лейгилст...

– А что это?

– Лейгилст, – проговорила она. – В Зачарованном Лесу.

Я поморщился.

– Это который в миле от столицы?..

– Да...

Я окинул ее внимательным взглядом.

– А ты сколько еще продержишься?.. Ну, до того момента, как откинешь копыта?.. Или у тебя ласты?

– Мы живем долго, – проговорила она, – и умираем долго. Месяц, а то и больше...

Я сказал с неохотой:

– Тебе повезло, я изволю ехать в столицу по как бы важным делам. Дорога мимо Зачарованного Леса, так что загляну по пути. У меня там кореша. Альвы, если слышала. Они для меня в лепешку разобьются, так в меня влюблены. Я вроде светоч... Травы-синюхи в прошлый раз целый мешок со-

брали, нарвут этого лейгилста. Или наломают. В общем, пока дыши глубже. Когда вернусь, принесу тебе пучок. Или два.

Ее глубоко запавшие глаза начали вылезать наружу, стали огромными, как у морского глубоководного окуня.

– Господин?..

Я пробормотал:

– Если я глерд, то не обязательно дурак, как тебе кажется. Хотя, конечно, все во власти дураки, а мы вот умные и всегда лучше знаем, как и что... Живешь здесь давно, усердно работаешь, как говоришь, платишь налоги и не особо бесчинствуешь... то будь даже феминисткой и демократкой в глубине души... мне какое дело?.. Я хозяин или не хозяин? А хозяин должен быть как бы хозяйственным.

Она прошептала:

– Но... я же... химера...

– Но налоги платишь? – спросил я. – Я не просто хозяин, я еще и правильный хозяин. По-моему, бесхозяйственно терять хорошего работника в угоду идеологии. Или принадлежности к другой партии. Так что пусть все идет как идет. Лекарь очень нужен, это квалифицированный кадр. Но, конечно, я не король, полную защиту дать не могу. Так что если здесь появятся Братья из Ордена Алого Света, просто спрячься подальше.

– Хозяин!

– Если подвалы моего замка, – сказал я, – достаточно глубоко уходят, спрячься там. Туда я никого не пущу, это мои

владения и мое ясновельможное право.

Она прошептала пораженно:

– Хозяин...

Я спрятал пистолет, пошел к двери, но там повернулся и сказал шепотом:

– О своей второй натуре никому. Хотя все и так знают, все женщины – химеры, но все-таки... Даже этому хитрому жуку, что прибыл со мной. Он у кого угодно выпытает!

Она сказала торопливо:

– Да-да, хозяин!

Я взялся за ручку двери, но повернулся и задал последний вопрос:

– Женщин, как я понял, среди вас больше?

– Мужчины обычно умирают под светом трех лун, – прошептала она, – женщины выживают чаще... Но, господин... вы тоже не такой, как все остальные.

– Еще бы, – сказал я. – Вся вселенная существует только ради меня. Я еще та химера!

Она посмотрела на меня исподлобья.

– Вы не химера...

– Я венец творения, – сообщил я. – Во мне все есть, начиная от амебы. Потому и назначен царем природы!.. И хотя меня не спрашивали, но я не отказываюсь ввиду своей необыкновенной скромности.

Не прощаясь, вышел и плотно закрыл за собой дверь. Муж смотрит встревоженно, Фицрой сказал с облегчением:

– Все?

– Закончил, – ответил я и, взглянув на побелевшего мужа, уточнил: – Еще месяц протянет, а за это время что-то да придумаем. Не вздумай ее добить! Это нехорошо, хоть она и женщина.

Фицрой вспрыгнул в седло и попер прямо через огороды в лесную стену. Конь протиснулся между толстыми стволами, дальше пошло такое, что я подосадовал насчет короткой дороги, лучше уж длинная, быстрее бы приехали...

Лес тянулся долго, часто приходилось слезать и прорубать дорогу для коней, что не могут, как потомки обезьян, перелезать через завалы. Под нависающими деревьями проскакивал с трепетом сердца, особенно после того, как одно тут же рухнуло сзади, толстое и огромное настолько, что и слона раздавило бы, как толстую жирную муху.

Деревья и не думают расступаться, на опушке мы оказались неожиданно даже для Фицроя, впереди долина, покрытая низко лежащим туманом, стебли высокой травы выглядывают из него, как из серой жидкой грязи.

Фицрой сказал мрачно:

– Долина Извечного Зла... За нее раньше бушевали войны, потом ее объявили ничейной и даже проклятой землей. Селиться там нельзя, слишком много крови впиталось в землю. Все вырастает уродливое и ядовитое, даже овцы начинают вести себя... в общем, могут и покусать. Мясо их ядовито, начинаются болезни.

Я рассмотрел вдали выцветшую палатку, мелькнули и пропали в тумане человеческие фигуры.

– А что делают все те люди?

– Ищут.

– Что?

Он усмехнулся.

– Самое важное, самое ценное!..

Я сказал ядовито:

– Какой-то особенный меч?

Он просиял.

– В точку! Я всегда считал тебя умным. Ну, если не умным, то быстро соображающим. Один из чародеев спрятал там Меч Власти, что дает неизмеримое могущество.

Я поинтересовался без особого интереса:

– А как же тот чародей, у которого был Меч Власти, решил расстаться с таким могуществом?

Он ответил беспечно:

– Дурак, наверное. Кто бы в здравом уме так поступил? Я бы ни в жизнь. Слышал, этот меч мешал достичь чего-то еще более высокого, но это вообще ерунда. Что может быть выше власти?.. Видишь вот ту гору?

– Вижу. Что там, огры?

Он пожал плечами.

– Не проверял еще. Но от нее прямая дорога на Санпринг. К вечеру будем в столице.

– И у Рундельштотта, – сказал я нарочито, чтобы он не на-

чал насчет королевы. – Рундельштотт спасет, Рундельштотт научит, он умеет и знает все...

Вдали из-за деревьев выглянули крыши с красной черепицей, а потом и сами домики: аккуратные, чистенькие, выстроенные вдоль дороги ровненько, как по шнуру.

Не село, настоящий город, но никакой крепостной стены, даже деревянного частокола.

Фицрой перехватил мой оценивающий взгляд.

– Благополучие?

– Королева рулит, – пробормотал я. – Народ чувствует себя в безопасности. Не знаю, хорошо это или не совсем.

– И я не знаю, – признался он. – Живется им так хорошо, но если голодные соседи нагрянут, то стены не помешали бы.

– Кстати, – сказал я. – Насколько здесь развито воздухоплавание?

Он посмотрел в удивлении.

– Воздухоплавание?.. Что это? А-а, на ящерах?..

– Нет, – ответил я, – на монгах. Хотя да, ты не здешний, откуда тебе такое знать...

Он откинулся в седле, на меня посмотрел с неподдельной обидой.

– Чтоб я да не знал?.. Это с какой стороны братья за плуг, еще не присмотрелся, а про всякое такое... Это воздушные шары?

– Они, – ответил я с неловкостью и надеждой. – Что знаешь?

Он пожал плечами.

– Известны давно, но пользуются ими редко. Здесь во всем королевстве две штуки. Делать их сложно, управлять трудно, да и то в полное безветрие. Если восхочется летать, то освой благородное искусство управления ящерами. Сюда они почти не залетают, но в королевстве Опалосса ими пользуются.

– Ух ты, – сказал я пораженно, – это как раз то, что я как бы мечтал...

– Это только в королевстве Опалосса, – напомнил он. – Там в горах живут эти драконы. Там же и горные люди, гурцы называются. А ты случаем не гурц?

Я потрогал себя за щеку.

– Вроде бы не. А что, похож?

– Да кто тебя знает, – сказал он с подчеркнутой опаской. – Говорят, ты не только Улучшатель, но и вообще непонятно что. А что колдун, это я и сам вижу.

– Я еще и вязать умею, – похвастался я. – Нет, спицами не пробовал... Да и крючком не приходилось. Но все-таки вязке обучен. Нет, никто не учил, я талантливый самоучка.

Он звучно расхохотался, но вдруг посерьезнел.

– Думаешь, королева поможет?

– Она же королева, – возразил я. – Должна. Это же забота о подданных? Конечно же, не станет, это понятно, она же королева... Спасение погибающих в руках самих погибающих.

– А не в ногах?

Я покачал головой.

– Если бы в ногах, зайцы были бы бессмертными. Эх, как они стояли на коленях и вопили: «Спаси нас!» Не зайцы, а мои крестьяне, хотя тоже зайцы, ты прав, хоть и неправ... Кто бы подумал, что это мои крестьяне и что отвечаю за их жизни я! Давно бы уехал и забыл про тот замок и те земли. Но получилось, я для них последняя надежда! Хотя вроде бы на фиг они мне?.. Мне бы хотелось, чтобы кто-то за них заступился! Но раз дураков нет, то придется мне, иначе их вообще измордуют.

– Если не королева, – спросил он с интересом, – то как?

– Буду учиться у Рундельштотта, – напомнил я. – Выпрошу что-то из его чародейских штучек. Ему ни к чему, он в высокой башне во дворце самой королевы, а мне все сгодится.

– Настырный, – сказал он. – Только такие и добиваются.

– Чего?

– А всего, – ответил он хладнокровно. – Высота взлета зависит от настырности. Чем выше, тем труднее.

Я сказал сердито:

– Не люблю трудности. Ненавижу!.. Я сибарит.

Он окинул меня оценивающим взглядом.

– Твои мышцы сами выросли?

– Это другое дело, – ответил я недовольно. – С ними можно ходить и хвастаться, сибаритствуя. Они не для драк, а для... престижа.

– Для, – повторил он озадаченно, – для... чего? Неужто для колдовства?

– Для чародейства, – отрезал я сердито. – Чарования, очаровывания! Я очаровашка такая вот, понял?.. Ладно, не бери в голову. Вон там домики... это что?

– Столица, – ответил он. – Предмесье. Столица подрастинулась... Мы подъедем к другим воротам. От них к дворцу чуточку ближе.

Глава 3

Нарядные домики мчались навстречу быстро и вприпрыжку, но когда мы въехали на улицу, пошли по обе стороны медленно и важно, чтобы наши кони не стоптали жителей.

Я с вялым интересом посматривал на дома и саму улицу, задерживаться здесь не собираюсь, прикрою от беды своих несчастных, которых, оказывается, только я и должен защищать, а дальше гори здесь все ясным огнем.

Фицрой даже не посматривает по сторонам, чего ради, уже весь город облазил и всех женщин перещупал, как хозьяка щупает кур, чтобы определить, когда снесут яйцо.

Я поинтересовался:

– Вон тот дом – постоянный?

Он кивнул.

– Да. Но мы там не остановимся.

Я подумал, сказал нерешительно:

– Вообще-то подышаю с голоду. А королева, может, и не снизойдет до такой мелочи, как накормить провинциала.

– Присмотрись лучше, – посоветовал он. – Постоялый двор из двух отделений, видишь? Дверь левого забита досками. Говорят, постояльцы там просто исчезали. Не все и не всегда, но в какие-то ночи те, кто входил через эту дверь, никогда не выходили обратно.

Я спросил с пугливым интересом:

– А что стража города?

– Думаешь, – буркнул он, – там все не перетряхивали?..

Никаких следов. И снова месяцами вроде бы все в порядке, но потом снова...

– В моменты появления трех лун? – спросил я. – Или трех солнц?

Он посмотрел с иронией.

– Думаешь, ты один такой умный? Это первое, что всем приходит в голову. Нет, исчезали и при них, и без них. Никакой связи! В конце концов, как видишь, дверь просто забили.

Я ощутил нервную дрожь в теле, Фицрой поглядывает с интересом, я пробормотал:

– Не думай, не лезу... Во всяком случае, не сейчас.

Он криво улыбнулся.

– Вот-вот, это же самое и я себе. Весь мир обойду и все вина перепробую, тогда можно. Но не сейчас, не сейчас! Хоть и хочется.

Дома раздвинулись, как деревья на опушке, дальше просторная и вымощенная камнем площадь, вдали высокая ограда из металлических штырей, фигурно выкованные ворота с королевским гербом наверху, а дальше просматривается сад и широкие аллеи.

Мы подъехали к воротам шагом, чтобы не пугать гвардейцев, я издали помахал рукой.

– Привет!.. Так пропустите или кто-то сбегает за Картером? Это ваш начальник, если еще не забыли.

Гвардейцы переглянулись, один сказал нерешительно:

– Вас пропустим, а это... это с вами?

Фицрой ответил несколько обиженно:

– Да, это с ним.

Я кивнул, гвардейцы распахнули одну половинку ворот, мы проехали в сад, я сказал негромко:

– Не обижайся.

Фицрой фыркнул:

– На что? Подумаешь, для тупоголового я всего лишь «это»!.. Меня и похлеще называли.

На параллельных аллеях, предназначенных для прогулок, иногда встречаются придворные, посматривают с любопытством, некоторые кланяются.

Мы подъехали к комплексу зданий дворца, я сразу заметил, что дверь в интересующую меня башню находится под усиленной охраной. Двое стражей могучего сложения прислонили копья к двери и, перед тем как бросить, яростно трясут по очереди кости в кружке.

Подходить к ним не стал, все понятно, покинул седло, Фицрой тоже спешился, но сказал с беспокойством:

– Иди сам. А то во дворце странные люди.

– Везде такие, – посочувствовал я. – Все чего-то хотят... Нет, чтобы сами кошельки отдали.

– В точку!

– Где тебя искать? – спросил я, уточнил: – В каком из трактиров?

– В «Веселой Лошади», – сказал он, – но если там не окажется, то у «Дочери Мелифисенты» или в «Единороге». Там и выпивка, и девки, и драки...

– Найду, – пообещал я. – Эй, там!.. А ну живо взять коней!.. И смотреть за ними, морды!.. Я не местный, мигом хари посворачиваю.

У входа в главное здание гвардейцев теперь вдвое больше, на меня уставились с подозрением. Я шел медленно, давая им возможность разглядеть и мой вельможный вид, и меня самого, однако гвардейцы, то ли новые, то ли получившие твердые указания, молча скрестили копыя, перекрывая вход.

Я сказал беспечным голосом:

– Что, все еще военное положение?

К нам ринулся один из старших, судя по цветам, слуг, посмотрел на меня с почтительным испугом, что-то быстро-быстро прошептал гвардейцам.

Те с явным облечением убрали копыя и отступили от двери.

– Нет проблем, ребята, – сказал я, – здесь я свой. Запомните мой светлый лик.

Один из гвардейцев ответил почтительно:

– Мы узнали вас, Улучшатель.

– Это хорошо, – сказал я.

Слуга уже распахнул передо мной обе половинки, я дви-

нулся в холл, весь из себя красивый и нарядный, шляпу снимать пока не буду, если что не так, напомнят. Даже не стану прикидываться, что не провинциал, всем известно, что великие люди рождаются только в провинции, а в столице эти алмазы иногда превращают в бриллианты... иногда в говно.

На второй этаж поднялся без помех, но там стража иная и, видимо, допуски тоже другого уровня. Копья передо мной скрестили молча, но с самым решительным видом.

– Эх, – сказал я с досадой, – что вы какие-то не такие?.. Ладно, Руперта Картера поищите, он подтвердит мой высокий допуск. И даже статус.

Один из слуг, внимательно наблюдавший за нами, исчез, через пару минут показался запыхавшийся Терминус, помощник Картера, все такой же щеголеватый и все в тех же доспехах, словно и спит в них.

– Глерд Юджин?.. – спросил он озабоченно.

– Рад, что узнали, глерд, – ответил я. – Ну прямо счастлив. А то как бы жил?

Он спросил быстро:

– Какова цель вашего появления?

– Что? – спросил я, не веря своим ушам. – А вы вообще-то кто, глерд?

Он чуть смутился, проговорил тише:

– Это все в интересах безопасности. Но я понимаю, вы пользуетесь полным доверием королевы.

– Тогда в чем дело? – спросил я. – Идите рядышком и отгоняйте всех собак.

Он сказал торопливо:

– Да-да, я проведу вас.

– И подождете там, – сказал я и пояснил вежливо: – В коридоре. Чтобы вас не вызывать снова наверх, как только спуститесь. На вид вы какой-то слабый.

Он вяло улыбнулся, на шутки тех, кто выше рангом, реагировать обязательно, а когда пошли по ступенькам, он бросил на меня заинтересованный взгляд.

– Что, уже надоело там?

– По мне видно?

– Нет, – ответил он, – но вы не из тех, кто засядет в имении надолго. В вас чувствуется... воин.

– Ну, спасибо...

– Не за что. Это и другие замечают. Вам на какой этаж?

– Как уже сказал отчетливо... или не сказал?.. изволю увидеть королеву.

Его улыбка стала понатыннее, несколько замедлил шаг и проговорил в затруднении:

– Вы сделали очень много для подавления дворцового переворота, это все знают. Но я не уверен, что ваш статус позволяет входить к королеве.

– Просто доложите обо мне, – сказал я. – Ее величество решит само. Оно вообще все решает само.

Он ответил с облегчением:

– Это в моих полномочиях.

К нам навстречу заспешил Мяффнер, за ним Эллиан и Кливард, эти двое на меня поглядывают с опасливым ожиданием. В глазах и желание поближе познакомиться с таким могущественным человеком, и боязнь в чем-то прогадать при моем неопределенном статусе.

– Дорогие глерды, – вежливо обратился Мяффнер к спутникам, – я сам проведу глерда Юджина в королевский зал приемов.

Эллиан возразил не менее вежливо:

– Ее величество сейчас принимает послов.

– Знаю, – ответил Мяффнер, – но мы пойдем, когда ее величество закончит.

Терминус отсалютовал, на его лице было написано насчет бабы с воза, повернулся ко мне.

– Глерд Юджин...

– Глерд, – ответил я любезно. – Вы молодец, ни разу не споткнулись, а ступеней было много. Я вами почти горжусь.

Мяффнер поморщился, в глазах укор, но смолчал, обернулся в сторону лестницы. Там только что поднялись и двинулись через зал, неспешно и умело привлекая внимание одеждой и манерами, двое глердов.

Явно иностранцы, решил я, видно и по одежде, и по обуви, и даже шляпам, не говоря уже о манерах. Это не мой мир, где иностранца трудно угадать даже по языку, так как даже свои частенько говорят через нагрудные трансляторы.

Мяффнер сказал мне тихо:

– Простите, глерд, я вас оставлю на минуту.

– Не сбегу, – пообещал я.

Он быстро просеменил к этим чужакам, они живо повернулись к нему и встретили церемонными поклонами. Он раскланялся еще учтивее, а когда заговорил, мне почудилось, что советник королевы просто умирает от смущения и неловкости:

– Дорогие друзья, спешу заверить вас в своей неизменной дружбе и расположении ее величества!

Они поклонились.

– Спасибо, ваше глердство...

– И потому, – договорил он несчастным голосом, – мне особенно неприятно вам сообщать, но ее величество пока не может вас принять... Простите, лорд Генрих.

Высокий глерд, которого он назвал лордом Генрихом, дернулся, откинулся всем корпусом и с изумлением посмотрел на Мяффнера с высоты своего немалого роста.

Второй воззрился на советника королевы с не меньшим изумлением и растущим, видно по его темнеющему от прилива крови лицу, возмущением.

– Глерд, – проговорил лорд Генрих, – следует ли это понимать, как...

Мяффнер торопливо затряс головой.

– Нет-нет, вовсе не следует!

– Но тогда...

– Все объясняется совсем иначе, – заверил Мяффнер. – Наши дружеские отношения с королевством Уламрией совсем не изменились!.. Однако, благородный глерд, после захвата вашим королем земель Эстрингии и той резни, что там учинили ваши солдаты... как вы понимаете, все переговоры о браке с ее величеством королевой Орландией отпадают.

Лорд Генрих дернулся.

– Но это в какой мере...

Мяффнер поклонился и произнес мягко:

– Простите, но мне добавить нечего.

Он вернулся ко мне и кивком предложил следовать дальше. Я успел увидеть, как оба глерда, у них там это лорды, растерянно смотрят нам вслед. Похоже, даже не поняли, что у советника королевы за странный заскок. Дескать, королева, увидев мощь их короля, тем более должна возжелать выйти за него замуж!

Мяффнер остановился, оглянулся украдкой. Дрожащими пальцами вытащил из-за обшлага носовой платок, вытер потный лоб.

– Подождем, – сказал он тихо, – нам еще рано.

– А чего так спешили?

Он ответил еще тише:

– Не хотел продолжать неприятный разговор. Не люблю говорить нехорошее. Но вынужден.

– Вы все сказали, – подбодрил я, – чего еще там щелкать хлебалом?.. Мудрые не говорят многословно.

Он посмотрел на меня искоса.

– Правда? Ну тогда подождите здесь. Я сейчас вернусь.

– Не споткнитесь, – посоветовал я благожелательно. – Вы такой шустрый, ее величество на вас не нарадуется. Прямо пудель.

Он отмахнулся и укатил, часто-часто перебирая короткими ножками.

Я посматривал по сторонам, уже заметно, что отношение ко мне резко изменилось. Или не так уж резко, но изменилось.

Раньше одни стремились уничтожить меня как возможного шпиона, другие – как опасного дурака, что непродуманными изменениями может ввергнуть королевство в катастрофу.

Теперь же высокий статус говорит о том, что это уже и мое королевство, вредить ему не должен. Высокий статус подразумевает, что я понимаю, что делаю, и ничего опасного не сотворю.

Даже глерд Иршир, что совсем недавно велел привести меня перед свои ясны очи и требовал, чтобы я ничего не смел улучшать, пока не получу от него разрешения, вон издали поклонился как равному и прошел мимо без всякой вражды, ее я бы точно почувствовал.

И другие глерды тоже кланяются, хоть и нехотя, слишком быстро я взлетел в их высшее общество, как же, щас полезу со всеми целоваться, размечтались.

В сторонке, словно отделенные стеклянной стеной, беседуют двое: высокой дородный мужчина, великолепно одетый и с безукоризненными манерами, и глерд Кливард.

Я ощутил некоторую настороженность между ними, видно по изысканной вежливости и подчеркнутым знакам внимания и уважительности. Так часто ведут себя дуэлянты, уточняя условия, где, когда и каким оружием постараться лишить любезного собеседника жизни.

В ожидании Мяффнера невольно начал прислушиваться, стараясь этого не показывать слишком уж явно, даже вроде бы нечаянно приблизился, рассматривая роскошные портреты в массивных рамах на стенах.

Глерд Кливард бросил в мою сторону настороженный взгляд, чуть-чуть понизил голос, но я все равно услышал:

– Доблестный лорд Тердлер, я все понимаю... но поймите и вы, трон королевства Кельмия настолько важен, что ее величеству нужно очень тщательно взвесить, кого из претендентов следует поддержать.

Похоже, это посол другого королевства, там в ходу «лорд» вместо «глерд», лишнее доказательство для меня, что когда-то наши миры были одним целым.

Тем временем посол, или некто уполномоченный от другого королевства, выслушал, обдумал, неспешно поклонился.

– Кто в моем сердце, – произнес он церемонно, – всем известно.

Кливард ответил мягко:

– Важно не то, кто в вашем благородном сердце, доблестный лорд Тердлер, а кто в сердце нашей королевы.

Лорд спросил скептически:

– У нее есть сердце?

– Тогда на уме, – уточнил Кливард. – В уме ее величеству не откажете?

Лорд Тердлер зябко передернул плечами.

– Ни за что!.. Когда смотрит на меня, всегда кажется, что это царица всех змей, а змеи вообще твари мудрые... Вы предполагаете, поддержит притязания на трон лорда Уласкеса?

– Смотря, – ответил Кливард осторожно, – что от этого получит наше королевство.

– Возможно, – сказал лорд Тердлер, – ей отдать за поддержку приграничную область Сепинтио?

Кливард покачал головой.

– Не стоит. Тогда она остается раздражающим напоминанием. Проще либо заключить торговый союз, либо разрешить в наших королевствах беспопшлинную торговлю.

Лорд Тердлер произнес осторожно:

– Вообще-то у вас экономика покрепче... Хотя, с другой стороны, поддержка вашей королевы стоит некоторых неудобств.

– Временных, – подчеркнул Кливард.

– Да, – согласился лорд Тердлер несколько кисло, – потом все наладится, но не сразу. Зато ваша партия получит пре-

имущество на выборах нового короля.

– Не такое уж и большое, благородный лорд. Все-таки беспошлинная торговля может разорить наших ремесленников.

– Зато остальные станут богаче, – подчеркнул Тердлер. – А ремесленники пусть учатся работать лучше и больше!

Глава 4

Из дальней двери выкатился Мяффнер, в новом костюме он еще толще, замахал мне торопливо обеими ручками тем жестом, словно хватает меня и с жаром прижимает к своей материнской груди.

– Королева сейчас вас примет, – сообщил он возбужденным голосом, когда я осторожно приблизился. – Ей нужен перерыв между сложными переговорами с послами!.. Подождите, ее величество сейчас заканчивает разговор с главой купеческой гильдии.

– А можно мне взглянуть одним глазком?

Он испуганно замахал обеими руками.

– Нет, это невозможно...

– Ну ладно, – ответил я. – Видите, какой я покладистый? Куда ни положи, ничуть не спорю. Лишь бы мягко.

Он умолк, лицо стало строгим. Я тоже подтянулся и застыл, а мимо медленно прошли глерд Джуэл и одетый в роскошные одежды иностранного кроя человек, которого я раньше не видел.

Джуэл медленно удалился, не взглянув в нашу сторону, а Мяффнер прошептал тихо:

– Сейчас ее величество покидает зал церемониальных приемов и переходит в свой кабинет.

– Тьфу-тьфу, – сказал я.

Мяффнер насторожился.

– Это заклятие?

– Пожелание успеха, – пояснил я. – Королеве, понятно. А мы обойдемся.

– Почему? – спросил он пугливо.

– А мы и так свое урвем, – сообщил я бодро.

Через пару минут к Мяффнеру подбежал старший слуга, что-то пошептал быстро-быстро на ухо, поглядывая на меня искоса одним глазом, как торопливая сорока.

Мяффнер кивнул, повернулся ко мне.

– Ее величество уже в кабинете. Пойдемте, но не спешите. А то вызовем толки...

– Толки что, – ответил я с пониманием, – но в мирное время, если лорд-канцлер бежит вприпрыжку – это смешит, а в военное вызовет панику.

Он посмотрел сердито, но с его добродушным лицом и мягкими манерами меньше всего получается сердитость, а я принял достойно-величавый вид и пошел с ним рядом, изображая государственные интересы.

У двери королевского кабинета двое крепких гвардейцев в доспехах, раньше прикрывали кирасы цветными нарядами, если вообще носили кирасы, а сейчас все напоказ, словно некое предостережение.

Оба пытливо взглянули на Мяффнера и без вопросов отступили в стороны. Похоже, Мяффнер по-прежнему пользуется полным королевским расположением и доверием.

Дверь распахнулась, я перешагнул порог, переходя из строгого коридора в мир блеска, шика, золота на стенах и на креслах, низко свисающей огромной люстры с сотней свечей, если не больше, и непомерной роскоши, что свидетельствует о власти и могуществе.

Королева красиво и грозно восседает в кресле с высокой спинкой. Кресло на помосте, на самом верху спинки крупно вырезаны, чтобы видели издали, герб и знаки власти. Глерды Эллиан и Джуэл стоят перед нею и что-то объясняют негромко и почтительно.

Заметив нас с Мяффнером, она, не поворачивая головы в нашу сторону, сказала им ровным голосом:

– Да, это стоит обдумать. Можете идти.

Они поклонились и отступили, бросая в мою сторону острые и недовольные взгляды. Когда за ними закрылась дверь, королева чуть повернула голову в сторону Мяффнера.

– Спасибо за услугу, глерд. Подготовьтесь к приему посла из Дронтарии, посмотрите сводки, что у них там сейчас. Возобновим прием через полчаса.

Он поклонился и двинулся через весь просторный кабинет в направлении другой двери. Королева не двигалась, пока Мяффнер не скрылся.

Я терпеливо ждал, наконец она с галактической неспешностью обратила взор холодных светлых глаз в мою сторону.

– Глерд Юджин...

– Ваше величество, – ответил я.

– Подойди, – велела она.

– Бягу, – заверил я, – бягу!

Однако подошел неспешно и тоже начал рассматривать ее с головы до ног, на что она абсолютно не обратила внимания, словно я кошка, которой тоже позволено смотреть на королеву.

Некоторое время молчала, разглядывая меня свысока, я уже собирался заговорить сам, когда она произнесла с той же королевской холодной отстраненностью:

– Как здесь?

– Спасибо, ваше величество, – ответил я. – Куда деться пленнику? Осваиваюсь в этой просторной темнице.

Она проигнорировала упрек, поинтересовалась с той же королевской безмятежностью:

– Получается?

В ее словах таился намек, типа того, никому ли еще не брякнул, но я не стал заверять, что не сумасшедший, ответил так, словно прибыл из соседнего королевства, такого же дремучего:

– Да, ваше величество, здесь все такое же. Кто бы подумал, двуногие, надо же!

Она чуть наклонила голову.

– Быстро заметили, поздравляю вас, глерд. Что-то еще нужно? Говорите, постараюсь помочь. В пределах, понятно... Кстати, вы как-то намекнули насчет своей секретной службы... Вы могли бы заниматься этим и здесь. У нас до-

статочно опасных врагов на кордонах.

Я поморщился.

– А мне это надо?

– Я полагала, – заметила она холодно, – сердце героя не выдержит долгого безделья и отвратительного комфорта.

– Так то долгого, – буркнул я.

– Вы здесь уже с неделю? – спросила она. – Думаю, успели возненавидеть уют, хорошую еду, покорных женщин...

– Чё, правда? – изумился я. – Ах да, у меня ж сердце героя... Кто бы подумал!

– Вот-вот, – согласилась она.

– Нет, – заверил я, – не возненавидел. Странно, почему не возненавидел уют, хорошую еду и покорных женщин?.. Сам не па-а-анимаю... Но вот не возненавидел! Еще как не возненавидел. Попробую еще всего и больше, вдруг да возненавижу?

Она посмотрела несколько высокомерно.

– Да?.. Видимо, вас готовят к каким-то особо важным свершениям. Дают накопить силы.

– Кто готовит?

Она произнесла, почтительно понизив голос:

– Высшие Силы...

– Высшие Силы, – протянул я, – как хорошо, что они как бы существуют. Всегда есть на кого сложить ответственность и оправдать свою дурь. Но я не настолько трус, чтобы прятаться за предсказаниями, пророчествами и всякой хренью,

вроде гороскопов. Хотя и хотелось бы.

– Значит, все-таки трус?

– Конечно, – согласился я. – А кто из нас не трус? Только последний идиот. Я сказал, что хоть и трус, но не настолько, чтобы закрывать глаза на реальность. Потому смотрю и прикидываю, что делать дальше... Забегая вперед, скажу, ваше величество, что служить вам как-то совсем не желается. Даже не изволится!..

– Вы обижены, – произнесла она ровно, но почти с ноткой сочувствия, – даже оскорблены, но все-таки понимаете, если не совсем глупы, я не могла поступить иначе. И это вас раздражает еще больше.

– Ах да, интересы королевства превыше всего!

– Вот-вот, – сказала она ровным голосом. – Вам все еще не понять, но я сжилась с этим бременем.

Я ответил беспечно:

– Ваше величество, я могу только поздравить себя с тем, что я не король!.. Уж простите, но на службу как-то не то-роплюсь. Я обживаюсь пока. Охочусь на зверушек, насилую служанок...

Она поморщилась.

– Насилуете? Это не в вашем характере.

– Правда? – спросил я. – Значит, просто замечательный или просто очень хороший?.. Но считаю, что когда хозяин вяжет слуг, это уже насилие и злоупотребление властью. Пусть даже потом и делает какие-то подарки или просто пла-

тит.

Она посмотрела с сомнением, всерьез ли несу такой бред, наконец обронила с неохотой:

– В таких отношениях почти всегда корысть с обеих сторон. И кто кого использует больше, сказать трудно. Потому мужчине не стоит углубляться в такие вопросы... как и в такие отношения. У вас есть меч и конь! Зачем еще и женщины?

– Гм, – сказал я задумчиво, – я вообще-то не настолько либерал... Но в общем, верно, и я прибыл как бы по делу, хотя оно ближе к развлекаловке...

– Говорите... глерд.

– Зеркало Древних, – сказал я.

Ее лицо стало моментально строгим и жестоким.

– Что-что?

– Ваше величество, – сказал я, глядя ей в глаза, – вы разрушили возможность проникать в другие миры. Проникать! Открывать туда двери. Да, для этого требуется огромная энергия и неслыханное количество бриллиантов и других драгоценностей, но теперь установка разрушена вами полностью. Я уже молчу о непоправимом вреде для науки.

Она кивнула, взгляд ее оставался холодным и твердым.

– Я поступила правильно.

– Понимаю, – ответил я. – Впрочем, при меньших затратах теоретически можно добиться возможности просто смотреть... Это для проникновения нужны огромные мощ-

ности, а для наблюдений... во много раз меньше. Правда, даже их сейчас нет, но все же можно пытаться отыскать, как это сделать.

Она посмотрела на меня пронизывающим взглядом, словно старается прочесть то, что у меня прячется под словами.

– И что ты хочешь?

– Ваше величество, – произнес я ровно, – Зеркало Древних уже не работает. Я просил бы вашего разрешения взять его в свой замок.

Она спросила резко:

– Зачем?

– Можно попытаться найти методы, – сказал я, – наблюдать жизнь в других мирах. Просто смотреть! На проникновение требуется мощь целого королевства, а для наблюдения, как я надеюсь, хватит и усилий одного достаточно богатого глерда.

Она подумала, не сводя с меня взгляда, покачала головой.

– Нет.

– Теперь оно бесполезно...

– В любом случае, – отрезала она, – это достояние короны!

Я вздохнул, развел руками.

– Жаль... Простите за беспокойство, ваше величество.

Я поклонился, отступил и пошел к двери, смутно надеясь, что она остановит, и уже взялся за ручку двери, в кабинете ни одного слуги, чтобы распахнул передо мной, как со стороны кабинетного трона донесся ее холодный голос:

– Глерд... раз уж вы прибыли в столицу, почему не погостить в ней? Если нет друзей в городе, можете воспользоваться гостевыми комнатами при дворце!

Я выслушал, повернувшись к ней лицом, еще раз поклонился.

– Спасибо, ваше величество. Я лучше вернусь в отныне свою нору. Земляную нору.

Она спросила резко:

– Чего-то опасаетесь?

– Да, ваше величество.

– Чего?

– Вас, ваше величество.

Она недовольно поджала губы.

– Догадываюсь, что вы имеете в виду, глерд. Но вы ошибаетесь... хотя доказать ничем не могу. Хорошо, вам нужно Зеркало Древних? Оно в вашем распоряжении!..

– Спасибо, – ответил я с настороженностью, – ваше величество...

– Но только на прежнем месте, – договорила она. – В башне Рундельштотта. И старику будет не так тоскливо, и ваша работа окажется под наблюдением. Моим наблюдением!

Я покачал головой.

– Ваше величество, вы же понимаете, я не смогу воссоздать ту установку даже с помощью Рундельштотта. Для этого потребуются все ваши сокровища, а я беднее, чем ваши крестьяне.

Она огрызнулась, хотя и с королевским величием:

– Мои крестьяне гораздо богаче, чем в соседних королевствах!.. Это мое последнее слово, глерд. С королевой не торгуются. Либо вы принимаете, либо желаю вам благополучного возвращения в вашу, как вы ее называете, нору. Хотя это далеко не нора, я там не раз проезжала и видела ту крепость.

Я вздохнул.

– Хорошо быть королевой, верно? Такая власть... Да, я принимаю. Что еще остается... пленнику.

Она стиснула челюсти, но смолчала, ниже своего достоинства уверять какого-то пусть и глерда, что он не пленник, а глерд со всеми привилегиями глерда.

Я поклонился, снова взялся за ручку двери, помедлил, чувствуя, что королева сейчас что-то скажет, и – как в воду глядел! – она произнесла негромко:

– Кстати, эта штучка в ухе... она и здесь помогает слышать разговоры... на расстоянии. Я улавливаю, как мне перемышляют кости, но, главное, слышу и кое-что важное... Сколько это продлится?

– Пока ваше величество, – сообщил я, – будет оставаться... теплым. Но если вы в самом деле змея, то все кончится довольно быстро.

Она чуть-чуть раздвинула губы, что должно означать улыбку.

– Значит, я змея с теплой кровью.

– Пока ваши уши останутся теплыми, – ответил я. В ее

глазах мелькнуло непонимание, я вспомнил, что у лжецов уши вроде бы холодные, пояснил торопливо, пока не поняла как-то по своему, по-королевски: – Магия слухового аппарата питается вашим теплом. Этого достаточно.

Она величественно кивнула.

– Хорошо.

– Вот видите, – сказал я с упреком, – и здесь я вам помог, а вы не можете отдать какое-то устаревшее дореволюционное зеркало прошлых режимов... Ладно-ладно, это я просто так. О классовом неравенстве.

И вышел, плотно прикрыв за собой дверь, довольный, что последнее слово за мной, хоть и нарушение этикета, но мы одни, а королева понимает, что у нас из-за общей тайны особые и очень сложные отношения.

Глава 5

Стражи в коридоре не шелохнулись, только дежурный слуга сразу повел в мою сторону настороженным взглядом. Я остановился, прикидывая, в какую сторону податься, а в конце коридора словно солнце взошло: появилась и двинулась в мою сторону, все озаряя чарующей улыбкой, блистающая Карелла Задумчивая, с распущенными русыми волосами, но перевитыми кое-где синими лентами, в переливающемся золотыми блестками платье, безумно яркая и цветущая.

Она чарующе заулыбалась, я галантно поклонился.

– Глердесса... или правильнее, фрейлина?

– Верно то и другое, – сообщила она весело, – но вы можете называть меня по имени, глерд.

– Польщен, – ответил я. – Ой, даже не представляю, как я польщен, как польщен!.. Ну просто невероятно... Польщеннее не бывает.

Она игриво вскинула брови.

– Что-то вы совсем язык потеряли, глерд!

– Еще бы, – сказал я с жалким восторгом, – тут что хошь потеряешь, когда вот так во все глаза на вас смотришь... и представляешь!

– Что представляете, глерд?

– Какое вы совершенство, – заявил я не моргнув глазом. –

И чудо. Без перьев, что и вовсе!.. Смотрю и балдею. В смысле, представляю и представляю...

Она посмотрела все еще кокетливо, но чуточку обескураженная непонятными комплиментами. Надеюсь, все же видно мой просто дикий восторг и в то же время слишком далеко от стандартных фраз восхищения ее красотой и прелестями, что как раз сейчас в тему.

– Глерд...

Я спросил галантно:

– Ее величество созывает фрейлин только на развлечения?

Она чарующе улыбнулась.

– Ах, глерд Юджин... вы поселитесь в той же комнате?

– Ох, – сказал я подчеркнуто счастливо, – даже и мысли не было до сей минуты! Но если вы снова принесете мне завтрак... а еще лучше – ужин...

Она кокетливо засмеялась.

– Если это задержит вас во дворце, то я это сделаю обязательно!

Что за дура, мелькнула мысль, нет, чтобы повыпендриваться, вместо этого сразу прижимает к стенке, еще чуть, и совсем изнасилует.

– Конечно, – заверил я, – задержит! Да я вообще здесь поселюсь!

И хотя вроде бы шутю, но все-таки загнала меня в угол и уже с плотоядным видом то ли раздевает, то ли тискает, во

взгляде чисто женское, эдакое победное выражение...

В конце коридора показались Мяффнер с глердом Финнеганом, Карелла оглянулась, сказала быстро:

– Все-все, я пошла. Но ловлю на слове!.. Кстати, я сегодня буду одна.

И, одарив меня многообещающим взглядом, быстро удалилась, а вместо нее подошли Мяффнер и Финнеган.

Финнеган поклонился мне, посмотрел на Мяффнера, тот кивнул. Финнеган молча последовал в ту же сторону, что и Карелла, но шаги замедлил, давая ей возможность уйти.

Мяффнер внимательно посмотрел им вслед.

– Карелла Задумчивая...

– Она в самом деле задумчивая? – спросил я.

– В каком смысле?

– Она в самом деле задумывает? – уточнил я. – Или больше на инстинктах? В смысле, на чувствах?

– У женщин все на чувствах, – сообщил он. – Все!.. Даже мозги. Кстати, хоть это не мое дело, но... вы говорили с глердессой Кареллой... О чем таком... хоть это и не мое дело...

– Верно, – сказал я осторожно, – говорил. А что?

Он помялся, хорошо видно, как не хочется говорить что-то неприятное, человек деликатнейший и вообще предпочитает говорить только льстящее собеседнику, но не случайно же королева держит его на первом месте среди советников, пересилил себя и сказал мягко:

– Вы человек сейчас занятой, понимаете?..

– Ну, ага...

– И у нас, – договорил он, – так много важных и неотложных. И даже незамедлительных! Потому вам лучше от нее подальше. Или хотя бы не связываться.

– Одно другому не мешает, – бодро сказал я. – Пока что не мешало.

Он вздохнул, снова вижу, как хотел согласиться со мной и соскользнуть с неприятной темы, однако сказал со вздохом:

– Мешает. Да вы и сами знаете. Я же вижу, вы хоть многое и не понимаете, но схватываете быстро.

– Но почему бы, – возразил я, – как бы на ходу, не снимая лыж... имею в виду, сапог с высокими голенищами...

– Опасная женщина, – ответил он вынужденно, осмотрелся по сторонам и понизил голос: – Она глердесса из старинного, но сильно обедневшего рода. Ищет возможности исправить положение. Все мужчины ее рода сейчас просто ленивые дураки. Так часто бывает с потомками старинных кланов. Основатели – герои, потомки – презируемая немощь...

– Но что я могу? – сказал я.

Он криво усмехнулся.

– Не хочется верить, что она может быть заинтересована в чем-то, кроме мужской стати?.. Эта мягкая и податливая с виду женщина обладает железным сердцем. Вы Улучшатель, который сам еще не знает, что может улучшить. Она не прочь если не контролировать вас, дорогой глерд, то по меньшей мере быть в курсе ваших дел.

– И улучшений?

– Да, – согласился он. – Будущих улучшений. Она понимает, что узнающий первым получает преимущество. Родовитые дураки на вас смотрят свысока, как на одного из простолюдинов, но все до единого ведут род от простолюдинов, что сумели умом и отвагой завоевать высокие места и основать великие династии!.. Но Карелла этого не забывает.

– Опасная женщина, – признал я. – Вы правы, мне чего-нибудь попроще.

– Мудрое решение, – одобрил он. – Если предпочитаете быть хозяином, а не слугой, пользуйтесь дворовыми девками. Поверьте, репутация бабника ценится только среди дураков. Настоящие мужчины презирают тех, кто женщинами занимается слишком много... Вас она уже пригласила?

– Сказала, сегодня вечером будет одна.

Он сказал довольно:

– Прекрасно. Не нажимает, дает возможность уклониться. Воспользуйтесь. Сделайте вид, что не поняли.

– Мудрый совет, – сказал я с уважением. – Вообще-то я в самом деле дурак, многое не понимаю... из того, чего понимать не хочу.

– Все мы такие, – заверил он, – но у вас получается особенно хорошо. Некоторая школа чувствуется, хотя я и не понимаю пока ее особенностей.

Я поклонился.

– Глерд Мяффнер, я вам бесконечно признателен.

Он чуть-чуть наклонил голову.

– Глерд Юджин...

Я чувствовал, как он смотрит мне вслед, оценивающе и достаточно тепло, даже странно, что такой добрейший человек постоянно возле королевы Змей и она его еще не сожрала.

Где «моя комната» во дворце, помню, но сразу же направился к лестнице, сбегал на первый, а там, ни на кого не глядя, быстро к выходу. Дальше нужно будет пересечь двор, подняться на башню Рундельштотта, сорвать королевскую печать и войти в лабораторию мага.

Если трансформатор на той стороне работает, а он должен работать, то я протиснусь через портал, а здесь время как бы остановится. И сколько бы я там ни пробыл, вернусь сюда в ту же самую минуту, что и отбыл, так что снова никто ничего не заметит.

А пока нужно успеть продумать, как поступить с тремя трупами в моей гостиной. Там время на нуле, до моего появления лист с дерева не упадет, я появлюсь на секунду позже, чем наши с королевой копыта мелькнули в портале.

Самое нахальное, что лезет в голову, – это забросить их в портал прямо сюда в лабораторию. Пусть Рундельштотт разбирается.

С другой стороны, не хочется так уж раскрывать карты даже перед старым магом. Лучше продумать, могут ли мне на той стороне предъявить какие-то обвинения, когда по моему

паническому воплю в полицию нагрянут в поселок омовцы и увидят этих гадов в лужах свежей крови.

Наверняка в их базах данных они как разыскиваемые либо как подозреваемые во многих преступлениях, но так и не оставившие улики, так что половина вины с меня будет снята автоматически. Как снять остальные подозрения, можно продумать неспешно и обстоятельно, времени много.

Раздумывая и прикидывая варианты, я пересек двор, рассеянно отвечая на поклоны, гвардейцы все еще сидят у двери башни, на меня уставились с интересом.

– И что? – спросил я. – Разве так хозяина встречают?.. Хотя мне все равно. Только если наступлю кому на причинное место, пусть не жалуется.

Они поднялись, я демонстративно неспешно и хладнокровно взялся за ручку, и тут за спиной раздался торжествующе-насмешливый голос:

– Так-так... снова за свое?

Форнсайд спешит в нашу сторону, на морде недобрая ухмылочка, сам довольный, словно застукал меня на воровстве яблок.

– В чем дело, глерд? – поинтересовался я холодно. – Какая-то служанка все-таки снизошла к вам? Не лопните от счастья.

Стражники заулыбались, Форнсайд дернулся, но сдержался и лишь сказал со зловещим нажимом:

– Вы нарушили королевский приказ, глерд.

– Да ну? – ахнул я. – А вы наблюдательны, глерд!

Он сказал злее:

– Там отныне личные королевские владения!

– Когда кажется, – ответил я, – попоститесь трое суток, может быть, и пройдет. Еще помогает, если кровь пустить. У вас кровь пускают лекари или как?

Он холодно осведомился:

– Вы на что-то намекаете... глерд?

– Напекаю? – переспросил я с изумлением в голосе. – Глерд, я сказал яснее ясного, что с удовольствием пушу вам кровь лично!.. Доставайте меч. Или из ваших ножен торчит одна рукоять? Блистать перед придворными бабищами достаточно, согласен.

Его рука дернулась к мечу, ладонь легла на рукоять, так постоял мгновение, играя желваками и стараясь не смотреть на остро заинтересовавшихся стражников.

– Глерд, – процедил он ненавидяще, – я на службе, не могу ответить вам на вызов.

– Да ну?

– Однако обещаю вам...

– Я тоже обещаю, – ответил я и посмотрел ему в глаза прямо и с не меньшей ненавистью, – вы у меня получите больше... радости, чем я получил в том пыточном подвале! И вы у меня будете визжать, как последняя свинья, кем вы и являетесь, пока глаза не лопнут!

Его лицо слегка побледнело, но проговорил с той же твер-

достью:

– Глерд... обещаю, сочтемся очень скоро.

Я кивнул, повернулся и потянул на себя дверь. Он произнес за спиной злым голосом:

– Стоять! Вам туда запрещено.

– Кем? – поинтересовался я. – Вами?

– По приказу королевы, – отрезал он, – туда отныне никто не смеет входить под страхом смерти! Вот теперь можете входить, я предупредил. А там пеняйте на себя.

Я ответил недобрым голосом:

– Вы правы, глерд, я снова за свое... Ибо отныне это мое! А вы можете убираться обратно в лес.

Явно не ждавший такой реакции, он чуть растерялся.

– Почему в лес?

– Вам там место, – сообщил я любезно. – Вместе с животными... И вообще, глерд, не хотите ли вызвать меня на поединок?.. А то прибить вас прямо сейчас как-то не совсем то, хотя я всегда оправдаюсь, у меня совесть гибкая, а язык без костей.

Он процедил сквозь зубы:

– На мечях вы струсите, ясно. А колдовство для мужчины – позор, но это для мужчин, вам это не указ...

– Ну-ну, – сказал я поощряюще. – Говорите, глерд, говорите. Скоро умолкнете.

Он недобро ухмыльнулся.

– Да ну?

– Скоро, – пообещал я, – встретимся на очень узкой дорожке. И уже не разойдемся.

– Тогда наслаждайтесь пока солнцем, – посоветовал он. – А за нарушение королевского приказа...

– Вы не дурак, – сказал я, – вы конченный идиот. Любой понимает, что если захожу в эту дверь при свете дня и на глазах всего двора, то на это у меня есть разрешение королевы.

Глава 6

Уже не слушая, что он там провякает, я открыл дверь и вошел в башню, плотно притворив за собой створку. Темнота крошечная, но мои пальцы уже нащупали в кармане мобильник и на нем кнопку фонарика.

Узкий луч света выхватил из темноты ступеньки, я приободрился и быстро пошел вверх к своей комнате и лаборатории Рундельштотта.

Ступеньки стертые, еще в прошлый раз прикидывал, то ли раньше народ цепочками, как муравьи за кормом, бегал туды-сюды, то ли Рундельштотт ходил здесь лет триста-четыреста...

Луч фонарика в мобильнике слишком узкий, лучше бы факел, приходится часто светить под ноги, только ближе к вершине в стене наконец-то окошко. Солнечный свет кажется невыносимо ярким, высветило ступеньки, стены и даже дверь, что пролетом выше, но дальше снова темно до самой двери в лабораторию.

Внезапно и очень резко повеяло холодом. Ладонь моя сама спешно метнулась к кобуре, а между пролетами из темноты на свет вышла почти танцующей походкой обнаженная женщина-ящерица в крупной чешуе, больше похожей на рыбу, такой же блестящей, плотной и даже как будто только что из воды.

Я выдернул пистолет, но удержал палец на спусковой скобе, хотя и страшно. Однако это существо, видя меня безоружным, жаждет понаслаждаться своим преимуществом, унижить якобы сильного мужчину, это видно в каждом ее движении, каждой гримасе...

Я такие лица уже видел, у некоторых женщин все еще срывает крышу от внезапного понимания вседозволенности и отсутствия запретов на секс, мат, непристойности, что не разрешали им в детстве строгие родители.

У всех такие же извращенно красивые лица, бесстыдство и пороки не только в глазах, но в каждом движении, наслаждаются тем, что вот какие порочные, гадкие, подлые и презирающие все нормы.

Она с торжеством смотрела на мое глупо растерянное лицо.

– И где твой меч?.. Или ты умеешь только магией?.. А где магия?

Я попытался обойти ее на узкой площадке и подняться выше, но споткнулся и упал на спину, а она тут же прыгнула и оказалась на мне, прижав твердыми горячими ягодицами мой живот, даже самый низ живота.

– Ну вот, красавчик, – промурлыкала она, – ты и попался... Я удобно сижу? Что, даже не хочешь сопротивляться?

– Ты намного сильнее, – прохрипел я, – потому глупо. Я сдаюсь.

– Умница.

– Насиловать будешь? – спросил я с надеждой. – По праву победительницы?

Она расхохоталась.

– Да ты еще и шутишь!

– Я всерьез, – пробормотал я. – Ну, если насиловать тебе запрещено, то... почему нам не договориться?

Она расхохоталась громко и победно.

– О чем?

– Я мог бы тебя взять на службу, – пообещал я быстро. – В качестве диверсанта во вражеских рядах. У меня сейчас опасный противник...

– Аллерли, – сказала она. – Великий маг Аллерли! Мой хозяин, хотя он вообще-то не хозяин, но когда послал меня встретить тебя, я спорить не стала... Знаешь, а он тоже из наших.

– Что?

– Да-да, – ответила она с удовольствием, – и очень сильный. Правда, потому с очень ограниченными возможностями. Ну, знаешь, как огры, что ничего другого не умеют... А теперь дорогой, умри красиво и с улыбкой.

Я перебил:

– погоди! Ты не ответила!

Она изумилась.

– На что?

– Поработать на меня.

Она расхохоталась.

– Я буду вспоминать тебя, как самое смешное...

Ее ужасающая пасть начала приближаться медленно и дразняще, наслаждается преимуществом над якобы сильными мужчинами, вечными противниками и угнетателями женщин.

– Жаль, – сказал я таинственным голосом. – Но ты не знаешь самое важное...

– Что? – прошептала она почти над ухом.

– В обойме не семь, – сообщил я подслушанную где-то фразу, – а восемь зарядов!

Она в непонимании вскинула брови, очень уж мой голос не кажется дрожащим от ужаса, в глазах внезапно метнулся страх.

Я почти упер ствол в ее левый бок и, уже не сосредотачиваясь на нужном слове, это получается на автомате, трижды нажал на скобу. Стальные пули вошли в ее уплотненное тело с довольным чмоканьем.

Она дернулась с такой силой, что ее подбросило всем телом, снова рухнула на меня. Я с отвращением столкнулся на пол, торопливо поднялся, все еще держа ее под прицелом.

Боль на ее лице и непонимание, почему же все пошло не так, как у нее всегда раньше, изо рта выплеснулась темно-красная струйка крови, глаза распахнулись в ужасе до предела.

– Ты... все-таки...

Старательно скрывая дрожь во всем теле, словно это ох

как важно, но перед женщинами стараемся держаться как и положено мужчинам, я отряхнул пыль с брюк, как будто в самом деле такой аккуратист, но пистолет в другой руке смотрит на нее неотрывно, а палец в полной готовности подрагивает в напряжении на спусковой скобе.

– Это все, что можешь пропищать?

Кровь хлынула из ее рта толчками, я почти видел, как сердце поспешно качает эту горячую красную жидкость все сильнее, не понимая, почему та не идет в мозг и мышцы.

Багровая жаркая струя стала шире и потекла по ступенькам красиво и печально. Химера повела в мою сторону страдальческими глазами.

– Надо было, – прошептала она слабеющим голосом, – принять... твоё... предложение...

– Надо было, – согласился я.

– Но ты знал... что... откажусь?

– Потому и предлагал, – заверил я галантно.

Она попробовала улыбнуться грустно, у женщин если не получается львицей, есть вариант попробовать лисой, вдруг да во мне сработает мужское и, несмотря ни на что, брошусь спасать, но момент упущен, смертельная бледность уже проступила на лице, тело дернулось и застыло.

Я наклонился и закрыл ей глаза. Почему-то женщины, умирая, из чудовищ превращаются в таких куколок, что вроде бы и жалко чуточку, даже несмотря на это гребаное будущее равноправие полов.

Переступая, едва не упал, поскользнувшись в красной луже, в раздражении повернулся и мощным пинком отправил тело вниз по ступенькам. Нечего разнеживаться, война – грубое ремесло. И не стоит женщинам лезть в него со своим рукоделием.

Мимо двери комнатки Рундельштотта прошел на цыпочках, пусть спит или пребывает в депрессии, сейчас не до него, осторожно поднялся на самый верх к лаборатории.

На двери красная ленточка с сургучной королевской печатью, никто не посмеет. Я бестрепетно сорвал, что-то мало у меня уважения к власти, потянул дверь на себя.

Отворилась без скрипа, я торопливо проскользнул в щель, тихохонько прикрыл за собой, постоял на площадке, прислушиваясь и осматривая комнату, решительно прошел через нее к дальней двери и так же решительно распахнул ее.

Стол и кресло с колесиками на месте, только одно сиротливо в дальнем углу, а на столе чисто. Исчезли даже осколки малахитового цилиндра, не говоря уже о множестве драгоценных камней.

Зеркало Древних смотрит со стены тусклой поверхностью, абсолютно мертвое и даже словно бы подернутое пылью.

– Давай, – прошептал я, – только бы... Только бы еще работало...

И хотя понимаю, что должен попасть в то же самое мгновение, в какое и провалился оттуда после мощного пинка ко-

ролевы, но страх опоздать холодной рукой стиснул сердце.

Вытянутая рука уперлась в твердое, так мне показалось, но сразу же пальцы провалились вовнутрь. Я задержал дыхание, зачем-то закрыл глаза и с силой ломанулся в невидимый портал, уже слыша с той стороны привычный шум родного дома.

Глава 7

Сознание на миг поплыло, даже ноги подкосились, но удержался, только сделал пару шагов по инерции. Разжмурился и чуть не упал: на полу красиво раскинулись два трупа в лужах крови, хотя а что я надеялся увидеть?

У чифа из бока неспешными толчками выплескивается алая струйка и растекается по полу, а его напарник просто уткнулся рылом в залитый кровью из его ноздрей пол.

– Быстрее, – прошептал я, – быстрее, корова...

Неизвестно, сколько проработает их установка, что подменила собой электропитание на участке и работу видеокамер. Спеша и волнуясь, хоть по дороге сюда продумал и проработал каждое движение, торопливо вывернул карманы обоих: увы, ни ключей, ничего из того, что раньше таскали с собой. Чипы между пальцами заменяют теперь все, от паспортов и прав на вождение автомобиля до кредитных карт.

Некое чутье заставило обратить внимание на лацкан пиджака чифа. Быстро пощупал, сердце радостно дрогнуло: пластиковая карточка!

Распорол, чувствуя страх и возбуждение, кончики пальцев коснулись острого уголка. Карточка, чуть больше почтовой марки, такими пользовались совсем недавно, потом в интересах безопасности самих граждан и, конечно, по их настойчивым просьбам всю информацию перевели в имплан-

тированные чипы. Оттуда уже не сопнешь ни цента, зато домохозяйки с легкостью начали тратить деньги, потому что на экране всего лишь уменьшаются цифирки, но получаешь шубы, автомобили, серьги, сапоги с наворотами...

Ага, еще одна тревожная мысль, я выхватил свой пистолет и, проверив, на каком делении глушитель, быстро нажал на скобу, целясь через окно в небо. Выстрел прозвучал едва слышно, руку заметно тряхнуло.

Я по-щенячьи взвизгнул от счастья.

– Работает... Хоть что-то да работает в этом проклятом мире!

Хотя почему нет, возразил внутренний голос, магия трех лун уже во мне, так что все или хотя бы что-то идет или ползет путем.

– Быстрее, – сказал я себе, – быстрее... Кунтаторство, как сказал великий пророк пролетариата и всех угнетенных, смерти подобно...

Сопя и пыхтя, я подтащил грузное тело Выдирателя к стене, нащупал невидимую дыру портала и, подняв с усилием, перевалил через край.

Как только исчезли ноги, подтащил тело чифа и отправил следом за его помощником. Не сбавляя темпа, притащил из дальней комнаты первого, из пробитого кочергой черепа все еще течет кровь, подхватил и сунул в портал.

Следом отправил их сумки и тут же, задыхаясь, скомандовал:

– Полную уборку!.. Десятый уровень!

Из норки выкатились все три пылесоса. Вообще-то пылесосами перестали быть, когда научились мыть и вытирать за собой полы, потом много чего обрели еще, но все равно пылесосы, хотя, знаю, отдраят пол, стены, потолок и даже все вокруг дома, а собранную грязь распылят на атомы.

Я отступил, огляделся, ничего ли не забыл. ОМОН явится, если бандиты оставили след, а если нет, то... возможно, все пройдет незаметно, хотя в нашем мире теперь ничего не исчезает.

Едва открыл дверь, как на меня ринулся жутко соскучившийся за эти мгновения ящеренок, вспрыгнул на башмак и быстро-быстро покарабкался по штанине, забрался на плечо и начал довольно сопеть в ухо.

Раздался резкий звонок, я подпрыгнул в ужасе, хотя звонок вообще-то не резкий, это у меня нервы на взводе.

– Юджин на проводе, – ответил я хриплым голосом.

Голос в комнате прозвучал ясно и с оттенком изумления:

– Ты чего? Это я, Борис!

– Щас, – ответил я торопливо, – я без штанов...

– Да я тебя уже видел голым! И я не, как ты знаешь...

– А вдруг твоя подружка на меня западет? – спросил я.

– Она уже от тебя отпала? – напомнил он.

– Вдруг у нее рецидив, – сказал я и содрогнулся, – погоди минутку...

За эту длинную минутку я торопливо разделся догола, с

сильно стучащим сердцем зашвырнул все в портал, все равно первым увижу все это там я, а сам сбегал в гардеробную, быстренько натянул трусики, захватив с собой джинсы из нейроткани пополам с грефеновыми нитями.

Рубашку сдернул со спинки кресла за миг перед хватательной клешней пылесоса, тот бы сразу в переработку, отыскал новые кроссовки, а то на старых могут сохраниться какие-то ненужные молекулы.

Вроде бы все, остальное все подотрут и подчистят пылесосы. Не то чтобы отпечатки пальцев, даже запаха не останется, десятый уровень – это десятый, самые чистоплотные хозяйки ограничиваются третьим.

Перебежав в другую комнату, я скомандовал:

– Видео!

На огромном экране появилось лицо Бориса, он помолчал, рассматривая, как я влезаю в рубашку, а потом в джинсы.

– Снова кач? – поинтересовался он. – Какой-то ты весь взбудораженный... Сотку взял?

Я пробормотал:

– Сотку еще в прошлом году жал. Что у тебя?

– Думаем создавать организационный комитет, – сообщил он. – У постяков уже есть, а у нас одни разговоры.

– У нас тоже есть, – напомнил я.

Он отмахнулся от стены до стены.

– Я говорю о комитете по подготовке к выборам уже не

президента трансгуманистов, а президента страны!..

– До выборов еще два года, – напомнил я. – Вдруг Данило сопьется? Или уйдет в буддисты? С гениями это бывает...

– Подготовку всегда начинают раньше, – возразил он, – это не председателя жилищного совета выбираем! Словом, есть идеи насчет того, чтобы тебя из инициативной группы в оргкомитет.

Я полюбопытствовал:

– Я был в инициативной группе?

– Так звучит солиднее, – объяснил он. – Для масс. Пора брать власть в свои руки. У нас была вроде бы инициативная, теперь у нас будет избранный комитет.

– Вроде бы инициативный?

– Нет, в самом деле, – сказал он, – инициативный. Даже если без инициативы, но ты же знаешь, надо обозначить, а еще лучше – захватить место в пространстве.

– Пока другие не ухватили?

– Да. Сейчас все только и высматривают возможности... Безработных слишком много.

– У нас руки недостаточно испачканы, – ответил я. – А политика – грязное дело. Ее нельзя делать чистыми руками. Если к власти придут честные люди, то залиют страну кровью и развяжут мировую войну... Но это так, отвлеченно. Прости, дружище, у меня сейчас цейтнот. Давай поговорим позже?

Он крикнул до того, как я отрубил связь:

– Но тебя включаем?

– Включай, – ответил я нехотя.

Бегом метнулся в бойлерную, сильно трусил, но трансформатор все же отключил. По идее, это всего лишь переключает возможность нырять через портал, а когда включу снова, связь с Зеркалом Древних восстановится.

Ах да, так, на всякий случай, сопя и напрягая все мышцы, подтащил старый реликтовый шкаф и прижал его к стене в том месте, где портал.

Да, на всякий случай. А когда убедился, что все плотно, ни с этой стороны никто нечаянно не прислонится к стене, ни с той никто не полезет в отключенное от установки Рундельштотта Зеркало Древних, подумал, что вообще-то никто и не сможет.

Пока я здесь, трансформатор держу выключенным, портала просто нет. Включаю за секунду перед прыжком в тот мир, но здесь время останавливается, и потому никто в мое отсутствие не успеет последовать за мной.

Правда, в королевстве Нижних Долин время идет обычным путем, так что это там нужно заграждать Зеркало Древних шкафом или чем-то мешающим подойти близко. Но, конечно, какой дурак попробует пройти через зеркало, разве что возжелает рассмотреть прыщи на морде повнимательнее, споткнется и упадет...

Я передохнул, мелькнула здравая мысль насчет оттаски-

вания шкафа обратно, потом решил, что потом успею, а то сейчас слишком явно видно, что сглупил, не обдумал раньше.

Еще раз подумал, вздохнул, напоминая себе, что нужно стараться думать сразу, а не потом, подошел к шкафу и, упиравшись конечностями в пол, с трудом начал пихать этот громоздкий раритет на прежнее место, отвоевывая сантиметр за сантиметром.

– Ну хоть никто не видит, – сообщил себе потрясающую новость, – пусть и дурак, но кто теперь не дурак?.. Все мы в чем-то еще какие... А в чем-то так и вообще...

Громко и назойливо прозвучал звонок, требующий соединения с кем-то из группы Hard Women, то есть особи женского пола, с которыми не было интимного контакта, самый малочисленный список в моей мобиле.

– Я занят, – сказал я, – как Цезарь перед мартовскими идами.

На экране во всей красе вспыхнуло лицо Изальки, выдвинулось за пределы рамки, прекрасное и хищное, с идеально вырезанными ноздрями а-ля Клеопатра и невинным личиком деревенской дурочки.

– Женька, – сказала она живо, – сегодня в Зергах улетный вечер!.. Давай смотаемся вместе? А потом повяжемся.

– Не хочу потом, – сказал я капризно. – Хочу сразу на вечере.

Она расхохоталась.

– Да хоть сейчас. Или в твоей машине. Говорят, ты приобрел что-то совсем обалденное?

– Да ерунда, – ответил я небрежно, – стронгхолд последнюю модель. Извини, Изалька, мне сейчас на работу. У нас строго!

Я вырубил связь, еще раз нажав на красную кнопку, что значит никому из гражданских, а только ментам, пожарным и «Скорой помощи».

Еще раз осмотрел карточку чифа, не именная, как здорово, хотя у таких могут быть только такие. Каждый с нею в руках может совершать платежи, что недопустимо для нормального обывателя, который и так больше всего боится потерять документы, но зато очень удобно для анонимных покупок.

На карточке всего три заглавные буквы: «ЧВК», а что это за, давно ни для кого не новость. Сейчас, когда глобализация уже движется к завершению, президенты и канцлеры подписали соглашение, что армии остаются на местах и ни в каком случае не вмешиваются в общественную жизнь ни своих стран, ни чужих.

Но свято место пусто не бывает, особую роль приобрели всякие частные воинские компании, часть из которых действует легально и на контрактной основе, часть полулегально, а большинство вообще нелегально, хотя, понятно, в наше время ничего такое не спрятать, однако властям выгодно делать вид, что ничего не видят и не знают.

Это дает возможность помогать сепаратистам, поставлять оружие даже в самые далекие страны, устраивать там диверсии и перевороты. В старину их называли «дикими гусями», такие собирались в стаи в «Иностранном легионе», потом таких легионов становилось все больше, так как армии все сокращаются, а не всем жаждется в расцвете сил сменить автомат на лопату.

Мой стронгхолд вынесся на шоссе, как скоростная торпеда, а там пошел обгонять автомобили не только лоукласса, но и хаев. Я старательно настраивался на позитив, меня примет таким, каким себя выкажу.

Адресат не обозначен ни на одной карте, его в упор не видит навигатор, что и понятно: здание обшарпанное, вид запущенный, словно старинного вида барак из серого кирпича, где сельские механизаторы в старину прятали от дождя облепленные грязью трактора и прочую сельскохозяйственную технику.

Вообще-то сомневаюсь, что даже такой магазин полностью подполен, при нынешнем уровне наблюдения да чтоб остаться незамеченным? Понятно, власти могут негласно помогать неким группировкам, что отправляются в другие страны то ли как «дикие гуси», то ли как частные армии по защите неких демократических интересов недемократическими методами, если это, конечно, в интересах нашей власти.

Судя по всему, эта точка ЧВК как раз из полностью неле-

гальных, раз уж не обозначена ни на одной карте.

Я вальяжно вылез из машины, передернул плечами, словно поправляю фрак, хотя чего его поправлять, вздохнул и велел ногам неспешно нести меня к двери.

Прекрасно понимаю, просматривают по меньшей мере с трех сторон, сравнивают лицевые углы, ищут по базам данных, стараются определить мой статус по движениям, походке, манере держаться.

На стук в массивной двери приоткрылось небольшое окошко, да и то зарешеченное. С той стороны появилось крупное костистое лицо мужчины средних лет.

– К кому?

– Мне не важно, – ответил я, – к кому. Жена просила купить удочку.

Не усмехнувшись, он молча смотрел, как я просунул в ячейку карточку. Не притрагиваясь к ней, посмотрел внимательно, похоже, в его контактные линзы вмонтированы нужные системы, через пару секунд кивнул.

– Удочку, говоришь?

– Да, – ответил я с сильно бьющимся сердцем. – И подлиннее.

Он открыл дверь ручную, там пол ниже, я сразу ощутил разницу в наших размерах. У мужика не только морда шире моей, но и сам намного безразмернее, выше и массивнее, а под тельняшкой бугрятся мощные мускулы. Явно бывший спецназовец или вообще командос в отставке.

– Прямо, – подсказал он.

Я шагнул прямо, слушая, как он деловито закрывает дверь, судя по неспешности, она по толщине и тяжести не уступает танковой броне.

Магазинчик не так уж и велик, через пять шагов я уперся в дверь, но хозяин появился рядом, прижал пятерню к стене, и в ней с той же неспешностью отодвинулась толстая дверь из легированного металла.

Я охнул, это помещение впятеро больше, стены полностью заняты под пистолеты, автоматы, винтовки всех стран и модификаций, а еще и в центре два стеллажа. На полках первого коробки с патронами, на полках второго ящики с гранатами.

Хозяин повел взглядом в сторону левой стены, там макеты трех человеческих фигур в полный рост, а на полу у левой россыпь пустых гильз.

– Парень, – проговорил он все еще с недоверием, – ты не ошибся? Кто тебя послал?.. Сюда заходят люди совсем другого... пошиба.

Я кивнул.

– Знаю. Все, как из одного стручка. Можно и не навешивать таблички «спецназ», «коммандос», «голубые береты»... и так видно. А я, знаете ли, эстет и почти музыкант. И ногти у меня в порядке. Я синичек дома кормлю!

Он скривился.

– Послушай, эстет... Ты хоть стрелять вообще-то умеешь?

Что-то тебя ни в одной базе данных нет.

– А что, – спросил я с интересом, – теперь это хорошо, если попадаешь в базу?

Он кивнул в сторону стены с мишенями.

– Попасть хоть в одну сможешь?

Я выхватил пистолет и трижды нажал на спусковую скобу.

У средней мишени в голове появились три дыры.

Он посмотрел на мишень, на меня.

– Блин... хорошая скорость. Ты что, даже на предохранитель не ставишь?

Я покачал головой, снимать с предохранителя – потерять важный миг в боевой обстановке. Он посмотрел с уважением, больше ничего не спрашивал, подошел к стене напротив и снова приложил к ней ладонь.

Глава 8

Я удержал свое «ох», у мужчин в крови любовь к оружию, даже у кормителей синичек. В открывшейся комнате все четыре стены в снайперских винтовках, а на полу аккуратно выстроились ящики с патронами.

Мужик открыл ближайший, я рассмотрел эти штуки отчетливо, пугающе длинные, в средний палец размером.

– Вот, – сказал он, – какую берешь?

Я покачал головой.

– Меня нет в базах, потому что я новичок. И снайперка нужна для очень важного дела. Может быть, на один раз.

Он посмотрел с еще большим уважением.

– О, крупная мишень?.. Какая дальность?

– Предельная, – ответил я.

Он кивнул, по лицу видно, что уважает меня все больше, такая снайперка не для полевой стрельбы, а для покушения на президентов, канцлеров, а также более важных персон, вроде глав транснациональных компаний.

– Хорошо, – ответил он. – Посмотрим еще... Недавно кое-что поступило со склада... особого склада.

– Мне важна скорость пули, – сказал я.

– Это от девяноста метров, – ответил он, – до тысячи пятисот. Что предпочитаешь, орел?

– Две тысячи, – сказал я твердо.

– Ого, – ответил он, явно забавляясь. – Но пневматические винтовки с такой скоростью не бьют. А у пейнтбольных еще меньше.

Я сказал серьезным голосом:

– Я же сказал, мне нужна снайперская.

– Девятьсот метров, – ответил он и посмотрел мне в глаза.

– Я намерен поохотиться на очень опасную дичь, – ответил я. – А так как я человек трусливый, вы же сами видите, то мне нужно с максимальной скоростью... Что дает и дальность.

Он прищурился.

– Тогда крылатую ракету?

– Нет, – ответил я без улыбки. – Снайперскую до двух километров. Такая меня устроит.

Он усмехнулся.

– До двух километров... Есть только до полутора. Это уже рекорд!

– То прошлый рекорд, – уточнил я. – А сейчас есть и до двух.

Он прищурился.

– Думаешь, такие есть и здесь?

– Мы решаем более сложные задачи, – обронил я многозначительно, – чем какие-то сраные армии. Я имею в виду, нынешние, бездействующие.

Он нахмурился, ответил со вздохом:

– Кто думал, что доживем до такого позора... Ладно, вот

смотри. Из такой точно еще в старую войну в Ираке сержант Стив Райхер одной пулей убил троих повстанцев, что прятались за каменной стеной на расстоянии в два километра!

– Слышал, – подтвердил я, хотя, понятно, услышал первый раз в жизни, – но с того времени дважды модифицировали!

Он фыркнул.

– Даже трижды, но что за модификации, когда просто облегчали вес, добавили пламегаситель, еще что-то по мелочи? Исчезает благородное и чистое искусство убийства противника на предельно дальнем расстоянии... Ладно, тогда вот в самом деле лучшее, что есть в этом сарае. Один экземпляр! Если отдам тебе, придется заказывать еще.

Я сказал с сильно бьющимся сердцем:

– Так я же не на синичек охотиться!.. Я синичек люблю.

Он ухмыльнулся.

– Ладно, смотри. Полная длина этой снайперки метр двадцать, но в разобранном виде легко помещается в обычный рюкзачок или сумку.

– Это важно, – согласился я.

Он кивнул.

– Еще бы. Вес – семь килограммов, это почти вдвое меньше обычной снайперской винтовки Баррета. Если честно, это только благодаря новым материалам, а не улучшениям конструкции. Если знаком с прошлыми образцами, то у этой в районе казенника ствола появился шарнир, видишь?

Ствол со всей газоотводной системой откидывается вправо-назад...

– Удобно, – сказал я осторожно, не зная, разыгрывает или говорит серьезно, вроде бы это не совсем уж новинка.

– Дульный тормоз, – продолжил он, – понижает уровень шума на восемьдесят процентов, так что отдача уже не лягает, как дурной конь копытом...

– Патроны те же?

– Чуть-чуть улучшили, – признался он нехотя. – Но конструкторы ни при чем. Новые материалы, сам понимаешь... Патроны все повышенной бронепробиваемости и улучшенной кучности. Пуля весит сорок шесть граммов, пробивает любой бронежилет на максимальной дальности. Рукоятка для смены обоймы справа, в магазине десять патронов. Самозарядная.

– Подсветка? – спросил я деловито.

– Лазерный луч, – ответил он, – все такой же багровый, как и в старых моделях, но теперь жертва не видит ползающую по своему телу красную точку. И вообще ее можно увидеть только в оптический прицел, так что можно целиться долго, никого не пугая. То же самое и ночью. В любую безлунную и вообще в полной темноте оптический прицел позволяет видеть, как днем. Только что не в цвете.

– Прекрасно, – сказал я. – Мы все делаем общее дело. Сделаем мир лучше, как сказал Стив Джобс! Потому еще ящик патронов. Чтобы мир стал не просто лучше, а как можно

лучше.

Он ухмыльнулся.

– Да, если патронов не жалеть, как сказал Столыпин, то мир станет чище и благороднее. Вот эти подойдут. Одного ящика хватит?

– Лучше два, – сказал я. – Чтобы часто сюда не бегать.

Он ухмыльнулся.

– Тогда возьми вот эти ящики. Они чуть побольше.

Он поднял с пола два ящика, раньше такие были деревянными, потом металлическими, сейчас я принял из его рук красиво оформленные коробки из узорного пластика, больше пригодные для хранения женских безделушек.

Я заглянул в одну, легкая дрожь возбуждения по телу, патроны больше похожи на небольшие снаряды, каждый в ладонь длиной.

– Отлично, – сказал я солидно.

Теперь он смотрел другими глазами и вроде бы тоже начинает понимать, что это же замечательно, что я не похож на спецназовца или вообще суперкрутого, что прошел все войны и ухлопал кучу народа. Таких охрана замечает издали. Не говоря уже о том, что все орлы есть в базах данных. Как ни меняй морды пластическими операциями, но череп изменить не так просто.

А вот меня и в базах нет, и такой интеллигент и муху не убьет, а если убьет, то видно же издали, неделю будет страдать от угрызений совести, а то и вовсе уйдет в гималайские

горы медитировать и очищаться от грехов мира.

– Давай помогу завернуть, – сказал он деловито, – нет, выходить отсюда нельзя.

– А как?

– Подгони, – объяснил он, – машину прямо под навес. Когда скажу «Можно», быстро перенеси в багажник и сразу закрой.

– Не увидят?

Он покачал головой.

– Нет, но защиту от наблюдения включаем только на десять секунд!.. Ну, всякие перебои у всех с электричеством бывают...

– Десяти секунд хватит, – согласился я.

Он небрежно мазнул карточкой над считывающим устройством, ухмыльнулся. Я взял ее из его ладони, подогнать машину под навес несложно, это спрячет от наблюдения со спутников, как и с крыш соседних зданий, но здесь, по правилам, должна быть и своя камера, с которой копы или совсем не копы могут снимать информацию, потому да, я должен двигаться очень быстро.

Думаю, я уложился не в десять секунд, а в пять, а то и в три, не зря же успел мельком увидеть удивление на его лице, после чего погнал машину прочь, делая вид, что я вот плейбой, снимающий женщин, а в моем багажнике раскладная кровать, а не тяжелая снайперская винтовка и два ящика

патронов.

На мой взгляд, это не винтовка, а настоящая длинноствольная пушка, ну пусть не пушка, но размером с крупнокалиберный пулемет, разве что заточенный под одиночные выстрелы.

И пусть из самых легких и суперпрочных материалов, но все равно ощущение такое, что упрятал в сумку слона.

Автопилот не полагается подгонять, потому терпеливо ждал, пока мимо проносятся высотные дома, а потом зеленые насаждения, так их называют, затем навстречу помчался красиво украшенный въезд в коттеджный поселок...

Машины загнал в гараж, оттуда перенес к portalу мешок со сложенной снайперкой и второй мешок с патронами. Видеозвонок ударил по нервам, как серпом по интимному месту.

– Нет! – заорал я. – Я сказал нет!

Натыкаясь на стену, ринулся включить трансформатор, торопливо забросил в появившийся портал закупленное добро, понесся назад и снова выключил, включил телевизор и только тогда остановился, часто дыша и пугливо спрашивая себя: ничего ли не забыл, а то хоть еще и не совсем старый, но всегда что-то да забуду.

Домофон звякнул мелодично, но я подскочил на месте, как застигнутый на воровстве зерна трусливый хомяк.

– Господин Юджин, – произнес басовитый голос с некоторой обманчивой ленцой, – добрый день! Говорит сержант

Синенко. Могу я задать пару вопросов?

Я быстро зыркнул на экран общего обзора, там еще по дальней дороге от коттеджа в сторону моего домика катит полицейская машина, но без мигалки.

Первой мыслью было нырнуть вслед за ящиком, пусть даже войдут и все здесь проверят, хотя вроде бы не могут без ордера, но кто их знает...

С другой стороны, когда-то да придется вернуться, а получится не совсем, если меня то не было, то вдруг появился. И хотя появлюсь в тот момент, когда вон тот толстяк вылез из машины и подходит к домофону на воротах, все же их сканеры еще при въезде в поселок засекли, что я в доме, и прерывание хоть на долю секунды насторожит, заставит копаться.

На экране домофона появилось широкое лицо полицейского, он повторил приветливо:

– Господин Юджин?

Обращается не по фамилии, а по нику, который у меня в имейле, скайпе и в баймах, что как бы намекает, дескать, просто разговор, ничего официального.

Но момент потерян, я ответил с неохотой:

– Да, конечно, задавайте. Но давайте угадаю, я криво машину припарковал в своем гараже?

– Да, что-то в этом роде, – ответил он легко. – Теперь за это расстрел на месте через повешение, но мы, надеюсь, все уладим четвертованием.

Помню, что можно спросить у них ордер, и тогда уйдут ни с чем, но могут позже вернуться с ордером и тогда поведут себя иначе, потому я сказал небрежненько:

– Открыть калитку!

Сержант подождал, когда калитка отъехала в сторону. Еще через пару секунд с другой стороны машины открылась дверка.

Я ждал, но сперва показалась длинная чувственная нога фотомодели, затем выдвинулась и красиво выпрямилась она сама, таких видел в сериалах, с идеальной фигурой, милой мордочкой и вообще совсем не полицейским видом.

Она вошла на участок первой, строгая и деловая, ничуть не покачивая бедрами, но все равно как-то давая понять, что они у нее вон какие, а ноги вообще ставит, как манекенщица, что демонстрирует не столько одежду нового сезона, сколько подает себя на ковровой дорожке для продажи и перепродажи олигархам и главам транскорпораций.

Я вышел навстречу, улыбнулся без особого дружелюбия, не поверят, но зато как можно беспечнее.

– Вы сержант Синенко, а вы... ваше имя наверняка Стелла или Этуаль?

Она вскинула брови.

– Почему это?

– Да есть в вас что-то звездное, – пояснил я с наглой галантностью.

Она поморщилась.

– Не люблю космос. Там, говорят, холодно? Меня зовут Мариэтта. Простое человеческое имя. Можно зайти в ваш дом?

– Конечно, – ответил я. – Как я могу отказать вам? Вас, уверен, потому и взяли сразу детективом, что вы вот... такая?

Она ответила с холодком:

– Вы угадали. После окончания спецшколы и тренировочного лагеря я три года была в горячих точках. И не в качестве медсестры. Потому меня и взяли, как вы говорите, сразу детективом.

– Круто, – сказал я. – Мой ник – Юджин. Хотя вообще-то мое имя и даже размер моих трусов вы наверняка посмотрели в базе.

Она прошла вперед, толстожопый полицейский за нею, хотя, может быть, он тоже детектив, а размеры ягодиц не всегда играют главную роль в их профессии.

Глава 9

Я видел, как быстро поглядывают по сторонам, вроде бы даже не поворачивая головы, а когда и поворачивают, то в разговоре со мной, хотя рассматривают достаточно напряженно, нетрудно догадаться о компьютерах скрытого ношения и экранах в виде контактных линз.

Я представил себе, что они сейчас видят: светящиеся следы моих подошв, отпечатки пальцев везде, где я прикасался, туманные струйки моего дыхания...

Пылесосы уже почистили весь дом до крыши, сами почистились и, заново подзарядившись, мирно дремлют в своей норке. Камеры работают, но, как я понимаю, в записях приличный пропуск во времени.

– Не стесняйтесь, ребята, – сказал я, – кофе, чаю?.. Или просто воды, если вы сыроеды и сыропивы? Или побоитесь отравиться?

Сержант снова промолчал, а она поинтересовалась:

– А может быть отравлено?

Я улыбнулся.

– После того как вы вчера разогнали мирную, хоть и с драками, демонстрацию трансгуманистов, кто-то не прочь бы вас всех отравить.

– Там была самозащита, – напомнила она. – Отступающая полиция защищалась от озверевших демонстрантов. Пере-

смотрите записи со всех ракурсов.

Я отмахнулся.

– Некогда, хотя и приятно смотреть, когда полицию метелят. Вас не сильно били?

Я окинул выразительным взглядом ее фигуру, а сержант, не обращая на меня внимания, посмотрел по сторонам, прошелся вдоль всех четырех стен.

– А почему у вас запись видеокамер остановлена?

– Каких видеокамер? – поинтересовался я.

– Ваших, – ответил он. – Установленных в вашем доме.

– У меня есть записывающие камеры? – спросил я. – Куда мир катится... А можно посмотреть, что там пишут? А то как-то была у меня на днях одна... Приятно бы взглянуть, каким я орлом себя показал!

Мариэтта поинтересовалась:

– В самом деле показали?

– Давайте посмотрим, – предложил я. – Вдруг вам понравится? И мы сотворим что-то подобное?.. Вы же свободная женщина?

Она не ответила, а мужик сказал хмуро, всем видом показывая, что к такому ничтожеству он сам никогда бы не поставил камеры, потому что такой и мастурбировать даже не умеет с шиком:

– Да, есть даже у вас. Даже у вас!

– Ух ты...

– Но они, – добавил он, – полтора часа тому прекратили

запись.

– Вы можете просматривать удаленно? – поинтересовался я.

– Согласно Закону о безопасности, – сообщил он. – Пункт девяносто восьмой, подпункт пятый.

– Как вы такие сложные цифры помните! – сказал я с восторгом. – А я думал, на деревянных счетах работаете.

Он пояснил, не меняя выражения:

– Полтора часа записей исчезло.

Я спросил:

– И что, даже вот сейчас не пишут?

Он кивнул.

– Похоже на то.

– Тогда почему прибыл не сантехник? – спросил я. – Или кто их чинит?

– Уже вызвали, – сообщил он. – Но мы всегда быстрее. Что-то можете сказать по поводу...

– То же самое могу спросить у вас, – отрезал я. – Я что, электрик? Или настройщик этих фортепианов?.. Даже не знаю, куда что пишется. И как-то, уж поверьте, не страдаю. Еще ни разу не заглядывал, что там записалось. Если бы даже знал, как заглянуть. И вообще... может быть, просто скажете, что вас интересует? Я вам отвечу, и вам станет на душе легче? Сейчас британские ученые снова говорят, что душа вообще-то есть. Хотя и не у всех.

Мариэтта посмотрела на дисплей на запястье, покачала

головой.

— Налоговую может заинтересовать, откуда у вас такой автомобиль при вашей, скажем мягко, нулевой зарплате? На пособие такое не купишь!

— Но это не преступление? — спросил я. — Хотя, чтобы вас прокатить, я согласен и на преступление.

Она смерила меня недобрым взглядом.

— Иметь автомобиль не преступление, если приобретен на законно заработанные деньги.

Я вежливо поправил:

— Кроме законно заработанных, как вы это называете, есть еще законно полученные в наследство, в дар, выигранные в карты, в лотерею... и еще много таких же законных способов.

Сержант смолчал, а она спросила ядовитым голосом:

— И каким же законным способом получили вы?

Я поинтересовался:

— Вы в самом деле уполномочены задавать такие вопросы?

Мужик поморщился и бросил ей предостерегающий взгляд, однако напарница лишь сказала чарующим голосом:

— Нет, конечно. Но мы можем прислать вместо себя тех, кто имеет право задавать еще и не такие вопросы.

Она тоже умолкла, ожидая моей реакции. Я окинул глазами ее точеную фигуру, демонстративно задержал взгляд на ее рельефной груди и как бы даже взвесил обе штуки в своих весьма мужских ладонях.

Она ждала, я горестно вздохнул.

– Вряд ли придут такие же красотки. Так что ладно, от-
вечу. Мне подарила одна женщина. Что так смотрите?.. Вы
против равенства полов?.. Вы сексисты?.. Шовинисты? Вы
против демократических ценностей, насчет кто кого сгреб...

Мужик прервал:

– Просто ты не совсем, парень, проходишь по стандартам
эскорт-услуг.

– У вас устарелые стандарты, – объяснил я свысока. – Пла-
катные красавчики уже осточертели. Как и плакатные кра-
сотки, кстати... Сейчас в тренде женщины с вот такими, а
лучше с во-о-от такими и жопой, чтоб помещалась только на
трех стульях! А из мужчин пользуются успехом такие бру-
тальные типы, как я. Вы все на службе, все на бегу, не заме-
чаете, как мир меняется! Я, может быть, нарасхват!.. Одна
из женщин была в таком восторге, что вот и автомобиль ку-
пил... и даже на вторую пару носков осталось. Что, не вери-
те?

Она сказала медленно, абсолютно вроде бы не реагируя
на пренаглый тон:

– Почему же... На всякий случай запустили полную про-
верку. Это займет долгое время, но пока... криминала еще
не выявлено...

Мужик прошелся ко комнате, выглядывая в окна, будто
впервые видит двор, хотя, наверное, проверяет еще раз, ка-
кой обзор из каждого.

– Жаль, – сказал он задумчиво, – как же все-таки ваш хард, на который шла запись... исчез?... Я не чувствую его наличия в доме.

Мариэтта посмотрела на него несколько дико.

– Совсем?... Это многое меняет.

Я не врубился, что это меняет, но, похоже, соображают, что не с моими способностями фаната футбола найти винт и как-то его изъять.

Сержант впился взглядом в мое лицо, Мариэтта тоже всматривается пристально, словно не доверяет своему анализатору, что все записывает и сразу же расшифровывает мои реакции, передавая ей изображение, минуя всякую хрень, на сетчатку глаза.

– Чё? – сказал я ошарашенно. – И кто спер?

Они некоторое время продолжали всматриваться в мое лицо, но я видел их сильнейшее разочарование, хоть и пытаются скрыть, однако же ясно, их анализаторы выдали четко и ясно: невиновен! Сам не трогал диск и понятия не имеет, кто его унес.

Я только спустя минуту подумал, что тот первый гад, которого королева кочергой, наверняка сразу снял хард, если по дороге, а он точно стоял там, все электрики размещают так, чтобы извлекать было легко и не лезть в канализацию. А я закинул все их сумки в портал, не раскрывая...

– Бэкап где-то в облаке, – проговорила Мариэтта задумчиво, – найти его можно, хотя есть сложности с иностранным

размещением... Так что же здесь произошло?

Я сказал нервным голосом:

– Вы детективы, это вы мне скажите, как гражданину и человеку!.. У меня из моего собственного дома кто-то и как-то ворует под моим собственным носом ценные видеофайлы!

– Ценные? – переспросила она с намеком.

– Да! – ответил я с жаром. – Я собирался оставить их внукам, чтобы гордились дедом и следовали его славной и достойной дорогой демократа и гражданина, а вы еще спрашиваете? Да как вообще можно жить в таком обществе?.. Почему полиция нас не стережет?.. Вы вообще-то как? Как жить, я вас спрашиваю?

Мариэтта оскорбленно поджала губы, но мужик смолчал, у мужчин чувство юмора развитее, понял, что троллю обоих, а это значит, чувствую себя в безопасности.

– Что-то здесь не так, – проговорила она озабоченно. – Нужно вызвать спецов. Пусть осмотрят, как они умеют.

Я сказал встревоженно:

– Да что вам еще?.. Вы же киборги! У вас такие компьютеры, что даже не знаю!

Мужик взглянул на нее, получил какой-то знак по внутренней связи, повернулся ко мне.

– У спецов аппаратура, – сказал он значительно. – Если тут побывали чужие, то им достаточно одной молекулы в воздухе, чтобы и морды их увидеть, и получить домашний адрес.

– А почему у вас нет?

– Громоздкая, – ответил он с сожалением. – Пока что. Но скоро и ее встроит в контактные линзы. Или хотя бы в очки. А пока что...

Он снова посмотрел на женщину. Она красиво повернулась ко мне на каблучках так, что в глаза сразу бросилась изящная линия ее высокой груди, на лице обворожительная улыбка, глаза сияют, как звезды.

– Зачем, – спросила она внезапно, – вам такой мощный трансформатор?

Я поинтересовался:

– А как это относится к потере моего собственного харда в моем собственном доме? Не трансформатор же его съел!

Она ответила неохотно:

– Можно сказать, сейчас интересуемся всем, что выходит за рамки. Вот как ваш трансформатор. Но на этот вопрос вы имеете право не отвечать.

Я ответил убитым голосом:

– Да ладно, отвечаю... Я же понимаю, вас не зря послали меня допрашивать, вы настолько красивая, что все, что угодно, расскажу и даже стриптиз станцую, только скажите!... В общем, меня все считают никчемным... А это так обидно, так обидно! Из моего класса двое уже с учеными степенями! Один вовсе мультимиллионер, вот-вот в миллиардеры выбьется, как с этим жить?.. Да не ему, а мне! Он как-то проживет... Вот и восхотел начать свое дело. Думаю выращи-

вать на своем участке негенно-модифицированные овощи. На них вроде бы снова спрос... Трансформатор обеспечит поливом по всему участку. И еще всяким-разным.

Сержант хмыкнул, но продолжал смотреть в окно. Мариэтта подумала, взглянула на меня испытующе.

– Кстати, не хотите пока проехать с нами?

– Не хочу, – отрезал я.

Мужик сказал задумчиво:

– Мариэтта, мне надо в садик заехать, уж извини...

– Жаль, – ответила она со вздохом. – Мне с этим фаном «Торпедо» будет скучновато.

– Почему «Торпедо»? – спросил я обидчиво.

– Фаном футбола, – уточнила она, – хотя команде «Торпедо» вы отдаете предпочтение, это заметно.

– «Торпедо» без всякой помощи вышли из низшей лиги! – сказал я горячо. – А какой рывок сделали! И все потому, что не щадят себя, играют, как боги среди тараканов, а рвут противника, как Тузик тапочки... Кулич вообще орел, играл с травмой, Ухонос после гриппа, но влупил в левый верхним крученным на последней секунде из немыслимого положения...

– Значит, – сказала она со вздохом, – придется вас привезти в участок. Побудете в камере, пока тут проведут дозор...

– А какая альтернатива? – спросил я.

Она пожала плечами.

– Прокататься со мной в полицейской машине. Потом будете рассказывать таким же героям, что вас замели, когда уже почти взрывали город. Я заеду по двум адресам, а вы пока посидите в машине. Потом отвезу обратно. К тому времени здесь все просмотрят настоящие специалисты. Заточенные на поиск микроскопических улики.

Я подумал, сказал нехотя:

– Ладно. Надеюсь, это недолго.

Она обиженно приподняла бровь.

– Это комплимент?

– Простите, – сказал я. – Конечно же, прокатиться с вами как-то приятнее, чем сидеть в камере, полной террористов и маньяков. Вы же их каждый день ловите? Помногу?

Мужик сказал с заметным нетерпением:

– Тогда не будем здесь торчать зря. Поехали!

Я велел дому бдить и никого не пущать, хотя у правоохранительных особый доступ, в программах охраны домов это предусмотрено, калитке велел не беспокоиться, нас выпустят за пределы участка ворота, раз уж идем втроем.

В полицейскую машину намерился сесть позади, но сержант сказал равнодушно:

– Мне скоро выходить, сяду сзади.

Я сделал вид, что ужасно рад, хотя прием слишком прост, с переднего сиденья выйти можно так же просто, но вдруг с заднего потом не решусь пересесть, я же только играю бру-

тального, а так они точно видят, какая я смиренная и застенчивая овечка.

Мариэтта бросила на меня взгляд, что-то поняла, покачала головой.

– Сиди на своем месте. А подозреваемый пусть на заднем сиденье.

Сержант хмыкнул:

– А вдруг нападет?

– Ага, – сказала она саркастически, – свернет нам шеи. По нему видно, жуткий маньяк.

– Да кто их знает, – сказал он преувеличенно серьезно, – вдруг он нарочито такой зайчик.

Все-таки сели на свои места, я с комфортом разместился сзади, и хотя в полицейских авто комфорта мало, но я не венгерский набоб, много не требую. Да и жалованье у полицейских и ученых в миллион раз скромнее, чем у шоуменов.

Сержант в самом деле вышел у небольшого магазина на заправке, хотя говорил насчет садика. Мариэтта подождала, когда я попрошусь пересесть на его место, я смолчал, и она, проехав пару сотен метров, резко сдала к обочине.

Я сделал вид, что ничего не понял, с интересом уставился в окно, в прошлый раз здесь дорогу переходило стадо диких свиней, но сейчас вроде бы пусто, а муравьев в траве не рассмотреть.

– Садись на правое сиденье, – скомандовала она и добавила: – А то вдруг в самом деле начнешь душиить со спины.

– Эх, – сказал я со вздохом, – а я только руки протянул. Правда, не к горлу.

– Значит, – отпарировала она, – я пока переигрываю.

– Пока, – согласился я и, вылезая из машины, поинтересовался: – Я похож на маньяка весьма или так себе?

Она посмотрела косо, как я уселся рядом на сиденье и дисциплинированно пристегнулся.

– Да кто вас знает... Это только в кино маньяков издали по рожам видно.

– Польщен, – ответил я. – Всегда хотелось выглядеть крутым и страшным!

– Ты таким не выглядишь, – осадила она холодно. – Да и зачем это детство?

– А как же доминантность?

– Уже давно доминируют власть, – напомнила она, – деньги, знания... Да, знания до сих пор в последнюю очередь, хоть мир меняется только благодаря знаниям. И даже позволяет существовать абсолютно недоминантным и вообще непригодным существам.

Я вздохнул.

– Куда нам, недоминантам, деться от умных доминантных женщин. Хотя есть и преимущества...

Она на мгновение вперила глаза в пространство, ответила не попадая:

– Да, еду мимо. Хорошо, сейчас проверю.

Я поинтересовался с сочувствием:

– Что проверите? Мою девственность?

Она поморщилась.

– У тебя мания величия?

– Тогда что стряслось, кошка не может слезть с дерева?

Она кивнула.

– По каким только пустякам нас не вызывают... Сейчас, когда даже уличное хулиганство почти искоренено, полицию сколько ни сокращай, все равно делать почти нечего.

– Ничего, – утешил я, – на демонстрантах отведете душу! Вот там можно выместить все свои фрейдизмы и юнгизмы.

Глава 10

Она взяла управление на себя, автомобиль резко увеличил скорость. Через пару минут мы свернули с шоссе на хорошую шоссейную дорогу, но явно заброшенную, дальше возвышаются некие строения заводского типа, тоже заброшенные. Сейчас, когда хай-тек стремительно внедряется в жизнь, лишними становятся не только люди на конвейере, но и сами конвейерные линии с их громоздким производством.

Новые цеха возникают за городом на свободных площадях в течение недели, а то и двух-трех дней, строительные принтеры рулят, а эти вот заводы старого типа ржавеют и рассыпаются в полной ненужности.

Мариэтта быстро и умело вела машину, я уже рассмотрел закрытые металлические ворота цеха, к которым она направляется. В самих воротах, как положено, калитка, это чтоб беречь тепло в зимний период.

Она так резко остановила автомобиль в десятке шагов от ворот, что я едва не достал лбом приборную панель.

– Ого!

Она сказала резко:

– Сиди и не двигайся с места!..

– Чего вдруг?

– Я проверю, что там, и сразу вернусь.

– Мне комфортно, – заверил я. – Понимаю, девушка спе-

шит на свидание, а в ржавом цеху так романтично...

Она ожгла меня злым взглядом и выскользнула из машины. Я смотрел, как она, вытащив из кобуры пистолет, подергала дверь, но та не поддавалась, и тогда просто прицелилась в то место, где должен быть замок, и калитка сразу открылась без всякого выстрела.

Я покачал головой, глядя, как она легко скользнула вовнутрь, и вдруг чувство холода стало таким сильным, что плечи передернулись сами по себе. Тень крыши цеха лежит на земле в трех шагах впереди, там на краю быстро вырос горб, и холод остро и внезапно вонзился в мое сердце.

Вывалившись из машины, я ринулся бегом за Мариэттой. В тот момент, когда распахнул калитку, за спиной грохнул сильный взрыв. В спину толкнуло горячей волной и запахом горящего бензина.

Я упал, вскочил на четвереньки, и тут далеко впереди прозвучало несколько выстрелов.

В цехе огромные конструкции из металла, то ли прессовальные машины, то ли паровые молоты, множество ящиков, сложенных в кучи, горы мусора, брошенные механизмы, уже покрытые ржавчиной.

За одним из ящиков пригнулась Мариэтта и торопливо выкрикивает:

– Срочно подкрепление!.. Вооруженное сопротивление!.. Они опасны...

Я подбежал и присел рядом. Она охнула, вскрикнула:

– Ты что делаешь? Меня теперь уволят...

Из-за дальней груды ящиков, растянувшейся шагов на сто, прогремели выстрелы. Отколотая щепка упала мне на затылок.

От грохота выстрелов заложило уши, лупят из автоматов, совсем рядом яростно рывкает пистолет этой красотки.

Я стиснул челюсти, что за хрень, чего я здесь, что за дурь...

– Пригнись, – прошипела она. – Сейчас примчится спецназ... Я уже вызвала...

Еще несколько выстрелов, щепка посыпалась нам на головы чаще. Я ощутил тревогу, вчувствовался и почти увидел, как в нашу сторону бегут четыре синие фигуры.

– Нас отвлекают! – крикнул я. – Они уже в двадцати шагах!

Она быстро зыркнула на меня, мгновение поколебалась, затем быстро высунулась и трижды выстрелила. Ее отбросило назад, я подхватил, она села на пол, лицо перекошено болью.

– Сволочи, – прошипела она зло, – три пули в упор... Я буду вся в синяках!

– Прекрасные стрелки? – спросил я. – Профессионалы?

– Одного я точно достала, – проговорила она, морщась.

Я чуть-чуть выглянул вполглаза, в трех шагах лежит мужчина лицом вниз, пистолет выронил, тот по инерции проскользил по каменному полу в нашу сторону и остановился

слева от ящика, за которым я прячусь.

Она прислушалась, быстро приподняла руку и выстрелила четыре раза.

– Ты их видишь? – спросил я шепотом.

– Нет, – ответила она. – Просто отпугиваю. Нам нужно продержаться несколько минут.

Я все поглядывал на пистолет незнакомца, а Мариэтта, сделав еще два выстрела в сторону противника, сказала твердым голосом, в котором я ощутил отчаяние:

– Кончились патроны... Надо продержаться еще минуты три, помощь уже едет.

– Продержаться без патронов? – спросил я.

– Не высовывайся, – прошипела она.

Сердце стучит так, что вот-вот разорвет барабанные перепонки.

– Их еще четверо, – сказал я.

– Откуда ты знаешь?

– Да так, – ответил я, – предполагаю.

Я дотянулся до трофейного пистолета, так и есть, идентификация убрана, но тоже армейский, как и тот, что я отправил вслед за снайперкой в портал.

Она прошипела еще злее:

– Дурак, я же велела не высовываться!.. Дай сюда пистолет, а то в глаз себе попадешь.

Я спорить не стал, она отобрала у меня оружие, сделала два выстрела и со злостью бросила на землю.

– Все, и здесь нет патронов!

– Ничего, – ответил я бодро, – они тоже затихли. Наверняка собираются удрать через заднюю дверь... Я сейчас отвлеку, а ты отползай назад.

Она сказала командным голосом:

– Не двигайся, дурак!

– Действуй, – велел я и, выхватив из ее руки пистолет бандита, выскочил из-за ящиков и побежал в сторону, потом вперед, а там снова метнулся влево за миг до того, как прогремели два выстрела.

Пули пронеслись в сантиметре от уха, неприятно шугануло горячим воздухом. Я прыгнул за ящики, пригнулся, Мариэтта здесь меня не видит, и, создав в стволе патрон, быстро выстрелил в самого торопливого, что высунулся до половины.

Вроде бы попал, во всяком случае, тот либо упал, либо пригнулся. Я высунул ствол пистолета, чтобы его увидели, пару раз дернул им и тут же спрятал обратно.

Обостренный слух уловил быстрый голос:

– У него кончились патроны!

– Откуда у него пистолет, у него же не было...

– Это пистолет Карлоса. Я знаю, у него заканчивалась последняя обойма.

Я ждал, почти видя их за ящиками, и еще до того, как трое поднялись, я уже увидел как-то иначе, как мышцы их ног начали напрягаться, поднимая тела, как двое резко пере-

прыгнули баррикаду и бросились ко мне, а третий прыгнул чуть позже.

Дождавшись, когда они преодолеют почти половину разделяющего нас пространства, я просунул руку в щель между ящиками и как можно быстрее начал стрелять во всех троих, всаживая в каждого по несколько пуль.

Они рухнули на пол. Почти сразу же далеко за моей спиной раздался вой полицейской сирены. Мощно грохнуло, по ушам ударил визг раздираемого металла, створки ворот вылетели так, словно их вышибло пинком великана.

В помещение цеха влетел броневик. Такие же бронированные, будто не люди, а киборги, солдаты спецназа выпрыгнули наружу и ринулись ко мне.

Я выронил пистолет и поднял руки.

– Сдаюсь, сдаюсь...

Они пронеслись мимо, а ко мне подбежала Мариэтта, все еще зажимая предплечье.

– Ты что... совсем дурак?

Она кипела яростью, я сказал как можно безмятежнее, хотя колотящееся сердце едва не разрывает меня, как гранату, а избыток адреналина вот-вот ударит мощными струями из ушей:

– Это был отвлекающий маневр. Удался же...

К нам быстро подошли трое в бронниках, с виду точно не музыканты, разве что ударники, передний сразу бросил соседу:

– Проверь записи камер!

Тот отрапортовал бодро и весело:

– Камеры отключены.

– Когда?

– Вообще, – ответил тот. – Их и не подключали. Так, на всякий случай.

– На какой случай? – прорычал спрашивающий, по виду и возрасту старший, бывалый и тертый, видно издали, с жестоким лицом человека действия.

– На случай перехвата, – сообщил спецназовец. – А камеры Мариэтты, к сожалению, дают только южную часть склада. Мы даже не знаем, как трое из четырех были убиты так, что не найдено пуль. Товарищ капитан, остальное узнаем в управлении...

Бывалый и тертый, по знакам различия капитан, переспросил раздраженно:

– А четвертый?

– Его застрелила Мариэтта, – отрапортовал спецназовец. – Прямо в лоб! Она прекрасный стрелок, вы же знаете. На пуле ее номер и даже имя. Имя теперь ставят для быстрого поиска...

Капитан смотрел на него, набычившись и подозрительно, явно человек еще старой закалки...

– Ни хрена это не ускоряет, – заявил он, как я и ожидал, – женское кокетство. Как те убиты?

Спецназовец, по-видимому, понял вопрос правильно, от-

чеканил:

– То ли бронебойными, то ли с повышенной пробиваемостью. Все трое навылет.

Капитан прорычал:

– Отыщите пули!.. А потом поиском, кому принадлежат. Если безымянные, тогда по всей цепочке: на каком заводе изготовлены, кому отгружено, в какой магазин поступили, кто приобрел...

Спецназовец отчеканил бодро:

– Слушаюсь!

Он исчез, а капитан повернулся ко мне, лицо его не предвещает ничего доброго, я встретил его безмятежной улыбкой человека, чья футбольная команда без проблем вышла в финал.

– А вы, молодой человек, – рыкнул он, – почему увязались за нашим детективом, когда вам было велено оставаться в машине?

Я счастливо заулыбался, надеюсь, получилось достаточно глупо:

– Это детектив? А я думал – женщина!.. Ох уж это сглаживание гендерных различий... Знал бы, что это детектив, разве бы я... Ну, сами понимаете...

Он поморщился.

– Почему... увязались... за нашим... гм... нашей?

Я взглядом дал понять, что это же понятно, я же увязался за вот такой задницей, но ответил вполне корректно:

– Дык, если бы остался, меня бы убили точно! Там что-нить осталось от машины? А то я не успел посмотреть, как оно горит. Страсть люблю смотреть на пожары. А когда горят ваши, угнетатели режима, я бы заснял и в ютубе выложил! Знаете, сколько бы просмотров собрал? А лайков?

Он поморщился сильнее.

– Видели кого-то на крыше?

– Да, – подтвердил я. – Солнце с той стороны. А тень от края крыши всего в пяти метрах. Ровный такой край, сейчас роботы строят так, что прям всех можно сразу в хирурги!.. Представляете, простых строительных роботов – в хирурги? Куда мир катится? Куда бедному человеку деться?.. Это я бедный, если вы все еще не поняли по... гм... своей интеллектуальной занятости.

– Не отвлекайтесь, – бросил он раздраженно.

Я ответил с обидой:

– Когда на такой идеально ровной линии крыши вдруг приподнимается голова и плечи, как не обратить внимание? Эта некрасивая деталь портит весь пейзаж и гармоническую завершенность дизайна! А я эстет, знаете ли. Думаю, по мне это видно. Если присмотреться, конечно. А это ваш долг – присматриваться к людям!

– А вы, – спросил он с расстановкой, – подняли голову и увидели... Что вы увидели?

Я спросил с самым оскорбленным видом важничающего дурака:

– Я что, совсем дурак? Я не совсем!.. Стану поднимать голову на такое... такое некрасивое! Это ущемляет мои чувства эстета. Я сразу же вывалился из машины и ринулся, как красивый такой олень... забыл, как называется, недавно в «Мире животных» видел, его запустили в перерыв между таймами, когда шел матч «Лаззиусов» и «Кампонотусов»...

Его прямо перекосило от отвращения.

– Да хрен с ними, «Лаззиусами» и «Компототусами»!.. Сейчас только на «Формику» можно смотреть, да и то без их гребаного Бонифация!

– Бонифаций козел, – поддержал я, – в новом сезоне его не будет, уже объявлено.

– Ух ты, – сказал он, но, опомнившись, напомнил: – Что дальше, когда вы вбежали в этот склад...

– Красивая женщина, – сказал я и скорбно вздохнул, – ведет неравный бой с самцами. Эх, прошло то время, когда мужчины сражались, а женщины сидели в башнях с поясами верности на интимных местах и наблюдали через окошки за этим цирком.

Он проговорил с таким усилием, что едва не лязгнули зубы:

– Дальше! Только подробно. Что сделали вы?

– Отважно спрятался возле нее, – сообщил я. – Сейчас не то дикое время, сейчас женщины нас берегут и защищают от вымирания. Она стреляла, а я, как положено мужчине, прятался. Одного ухлопала прямо в упор, он упал как-то совсем

некрасиво, а пистолет подкатился мне прямо под ноги.

Он процедил злобно и как-то растерянно:

– И что? У вас проснулась совесть?

– Совесть? – изумился я. – Разве это допотопное слово не изъято из употребления, как подобные ему: честь, достоинство и прочие архаизмы... Вы же демократ или?.. Ах, шутите... В общем, короче говоря, у нее кончились патроны. Точнее, если могу себя править, я же такой правильный, патроны кончились в ее пистолете... или у нее револьвер? Никогда не разбирался в оружии!.. Есть еще, я слышал, пистолы... Я понял, что нас вот-вот прибудут из-за отсутствия так необходимых патронов, и, велев ей бежать обратно к воротам встречать вас радостно у входа, сам постарался отвлечь их...

Он тяжело вздохнул:

– А что там были еще за выстрелы?..

Я в безмерном удивлении пожал плечами.

– Думаете, у меня есть идеи? Я что, Эйнштейн или, хуже того, Ньютон?.. Откуда мне знать?.. У нас такого не проходили, а в Гугле я как законопослушный и добропорядочный гражданин ищу только порносайты. Такие люди нужны стране. Ну, вы меня понимаете, по глазам вижу... Наверное, у нас и закладки в одних местах, угадал?

Он со злостью ударил кулаком в подставленную ладонь правой руки, что значит левша, а левши всегда умнее правшей, и зарплата у них выше, с ним надо держать ухо востро.

– Что-то еще запомнили?

Я ответил оскорбленно:

– Совершив тот безумно героический поступок и спрятавшись за ящиками, я замер, какдохлаямышь, и ждал, когда же вы ворветесь. А они там стреляли, орали, ругались, ссорились...

Он прервал:

– Ссорились?

– Мне так показалось, – объяснил я. – По крайней мере, не пели «В славу Христа», чему церковники приучают с детского садика. Потом – ба-а-абах! – ворота вдрызг, гром и молния – это вы так красиво и победно! Жаль, женщины вас не видели. Ну, ничего, вы все на видео покажете, у вас же все снимается?.. Я думал, это вы всех побили. Как полагаете, мне орден дадут с бантиками? Хотя я не гордый... не заглядывая вдаль, я скажу: зачем мне орден? Я согласен на медаль...

Его перекосило, и, полагая, чтобы не прибить меня на месте, развернулся и быстро пошел широкими шагами к броневикау.

Глава 11

Я перевел дыхание, да не увидят, что меня всего трясет. Задиристый тон для того, чтобы поморщились и ушли по своим делам, а я тем временем отойду и в самом деле смогу выглядеть орлом, что всех заклюет.

Они там в сторонке беседовали вполголоса, не предполагая, что я, если поверну к ним правое ухо и сосредоточусь, могу расслышать каждое или почти каждое слово.

– Это уже третий склад чэвэков, – прорычал капитан злобно, – и всего-то за месяц!..

– Но никого не нашли, – напомнил один из спецназа.

– Смылись вовремя, – сказал капитан рассерженно. – Даже пепел от сигарет был теплый! И чашка из-под кофе не остыла.

Спецназовец сказал со вздохом и ноткой ностальгии:

– Еще помню времена, когда их называли просто «дикими гусями»... Как тогда все было мило и просто.

Капитан фыркнул:

– Тогда «Иностранный легион» был один на всю планету! А теперь таких легионов десятки тысяч.

Другой из спецназа прислушался, бросил нехотя:

– А куда деваться уволенным? Подумаешь, армии надо сокращать, еще сокращать... Я вот прошел четыре войны и семь горячих точек, хотя эти точки размером с Эстонию, бы-

ла такая страна... так вот я вряд ли пойду сажать морковку.

Первый спецназовец оглянулся в мою сторону.

– Вы что, всерьез намекаете...

Капитан скривился, покачал головой.

– Нет, это полное ничтожество. Хотя все же заметно, как недоговаривает нечто. Но из-за недостатка опыта либо прокальвается, либо язвит по нашему адресу.

– Полицию нигде не любят, – напомнил спецназовец. – Разве что пенсионеры, и то редко. Нет, он дурак, а стрелять вообще не умеет.

– Нет такого мальчишки, – напомнил капитан, – который ни разу не побывал бы в тире.

Спецназовец отмахнулся.

– Для большинства первый поход в тир он же и последний. Обычно в тир ведет более крутой, он с удовольствием показывает, как бьет по мишеням, а остальные, промазав, больше не приходят.

– У этого фаната футбола, – сказал капитан, – такой вид, что и про тир не слышал.

Подошел третий, поперек себя шире, настоящий слонopotам, на нем почти рыцарские доспехи, такие из пушки не прошибить, доложил довольным ревом:

– Наши молодцы из управления взяли след успевших убежать... потом, как всегда, потеряли.

Капитан взглянул на него почти с ненавистью.

– И чего лыбишься? Дружки там?..

– Командир, – сказал спецназовец с упреком, – ну ты чего?.. Просто отдаю должное. Умеют работать. Наверное, у них жалованье выше нашего.

Первый спецназовец сказал быстро:

– Надо на это опираться, когда пойдем просить повисить.

Капитан со злостью стукнул кулаком по броне их тяжелой машины.

– Ну, почему здесь не работали камеры?

Спецназовец, что поперек себя шире, сказал очень серьезно:

– А Шерлок Холмс вообще как-то без записывающих устройств и анализаторов...

– Кстати, – сказал самый первый, – анализаторы показывают на некое противоречие...

Капитан так быстро повернулся к нему, что боец даже отшатнулся.

– Ну-ну? – сказал капитан резко. – Телись быстрее!

– Этот ваш парняга, – сказал спецназовец, – Юджин его зовут?.. Рохля рохлей, но вовремя заметил, как с крыши собирались разнести полицейскую машину.

Его напарник сказал задумчиво:

– Заметив опасность, бросился не прочь от склада, как сделал бы любой штатский...

– Тогда бы его хлопнули в спину, – подсказал тот, что поперек себя шире.

– Вот-вот, – сказал первый спецназовец, – а в условиях

жесточайшего дефицита времени принял единственно верное решение вбежать в цех. Мы примерно такое отработывали на учениях, помните?.. До ворот всего пять шагов, да и попасть с крыши в бегущего внизу куда труднее.

Спецназовец, что поперек себя шире, сказал раздумчиво, как и должен говорить слонopotам:

– Он сделал все правильно... А там прятался возле Мариэтты, пока она отстреливалась. А когда у нее кончились патроны, он подхватил пистолет без патронов и, умело блефуя, успел перебежать опасный и легко простреливаемый участок, а там спрятался намного надежнее.

Капитан прищурился, покачал головой.

– Хочешь сказать, просчитывает реакцию противника?.. Но тогда стоит ошибиться на секунду...

– Значит, – подытожил слонopotам, – он либо очень везучий, либо очень-очень хорошо считает. Я предпочел бы первое.

– Ну да, – согласился первый спецназовец. – Предположить, что кто-то круче и хладнокровнее нас... гм... обидно.

Из глубины склада показалась Мариэтта, быстрая и целеустремленная, издали вперила в меня сердито-загадочный взор.

– Зайдем в участок, – сказала она отрывисто, – господин Юджин, вы дадите показания и можете отправляться домой.

– Пешком?

Она поморщилась.

– Тебя отвезут.

– Это другое дело, – ответил я. – Мы поедем на броневике?

– На моей машине, – отрезала она. – Полицейской!

– Мигалку включишь?

Она посмотрела свысока.

– Не дорос исчо. Пойдем! И давай рассказывай.

– Здесь? – переспросил я. – А что будем делать в участке?..

Ой, в самом деле?.. Там будет интим? С развратом или как?

Она огрызнулась:

– Запишу твою болтовню сейчас, а потом в участке запишут еще раз и сравнят. Стандартная процедура, ты должен ее знать.

– Как же, – пробормотал я, – как же... Что мне еще знать на свете важного, как не ваши процедуры?

Она не повела и бровью, дескать, не удалась провокация, и ладно, на другой поймаю.

Когда вышли из цеха, обгоревший остов полицейской машины как раз грузили на платформу, Мариэтта заметно содрогнулась и даже почти побледнела.

– Вроде бы не совсем на ходу, – сказал я нерешительно. – Хотя кто знает полицейские технологии?

– Ладно, – произнесла она, – прибыло десять полицейских машин. Стой здесь, я выясню, какую взять.

Она ушла быстро и уже собранно, не прихрамывая и не массируя ушибленное плечо. Я смотрел вслед, сердце все

еще колотится, а кровь шумит в ушах, будто волны высотой с небоскреб штурмуют скалистый берег.

Меня же чуть не пришибли, даже сейчас поджилки трясутся, но, с другой стороны, внутри стучит победно и мощно, что и я не лыком шит, что-то да могу. Я же видел их за ящиками почти отчетливо, синие такие силуэты, а что размытые – ерунда, мог бы стрелять по ним даже сквозь ящики...

Переговорив со своими, Мариэтта помахала мне рукой от одной из машин.

– Иду, – крикнул я уже бодро. – Хорошо вам, сразу новую дают... В полицию пойти, что ли?

Она посмотрела с неприязнью.

– Теперь в полицию берут только бывших командос.

– Еще бы, – согласился я. – И то лишние остаются. В том складе тоже спецназ обитал, верно?.. Только на другой стороне. Догадаться бы, кто из вас в белых шляпах, кто в черных...

Она, как сильный пол, открыла и придержала для меня дверцу, мне даже почудилось, что хотела и голову при посадке чуточку нагнуть, чтобы не ударился о верх, а то потом заявлю о жестоких избиениях со стороны озверевшей и потерявшей человеческий облик из-за попустительства властей полиции.

– А тут ничо, – заявил я. – Хорошо, когда везде стандарт. Привыкать не надо.

– Пристегнись, – буркнула она.

– Разве тут не автомат?

– Все равно, – отрезала она.

– Традиция, – ответил я понимающе. – Люблю традиции, но почему-то не выношу.

Она молча ткнула в экран навигатора пальцем, указывая место назначения, и машина, моментально вздрогнув, пулей понеслась в сторону шоссе.

Глава 12

Полицейский участок оказался в старинном, или замаскированном под старинное, здании. Толстые массивные стены, дверь на вертушке, абсолютно пустой холл, а все службы и кабинеты либо на втором этаже, либо там дальше... что и понятно, если самоубийца на автомобиле с ручным управлением и на огромной скорости сумеет удариться в двери, то пусть хоть все авто будет начинено взрывчаткой, взрыв грянет впустую и никому даже не прищемит пальчик.

Она оставила машину на полицейской парковке перед зданием, в дверях двое встреченных полицейских на меня сразу посмотрели с таким видом, словно поторопятся заковать в наручники, неужели у меня такой лихой вид, буду гордиться...

Мариэтта провела на второй этаж, где народу уже как муравьев после дождя в безветренный вечер, толкнула дверь в одну из комнат.

– Входи. Нет-нет, там другой отдел, садись вот здесь.

Я сел к столу, где и столешница вся представляет экран в 8 UK, и на нем еще всякая мелкая аппаратура в беспорядке, словно и в полиции работают творческие люди.

Подошел хмурый полицейский, посмотрел на меня, на Мариэтту.

– Приковать его к столу? Или сразу в комнату для жесто-

ких попыток?

Я посмотрел на обоих с интересом.

– Дайте угадаю, кто из вас будет играть злого, а кто доброго... Женщины должны быть добрее, потому эта самка вот будет по контрасту злым полицейским, а вы как мужчина... вы ведь мужчина?... а то как-то с этим стиранием различий... я же вижу, что вы продвинутый... должны играть доброго. Но так как я этого и ожидаю, то все будет наоборот...

Он буркнул:

– Много для вас чести, придурок, чтобы с вас снимали показания сразу двое. Я бы тех, кто болеет за «Торпедо», сразу сажал за решетку лет на сто, пока не поумнеют. «Спартак» – чемпион!.. Мариэтта, он твой. Скинешь потом то, что от него останется, на мой комп. Или занесешь к моему столу, если еще не умеешь пользоваться сетью.

Он ушел, не замечая меня больше, а она села напротив за стол, киношно хрупкая и нежная, такие в сериалах легко разбрасывают одним движением руки двухсоткилограммовых спецназовцев, ухитряясь не растрепать сложную прическу.

– Рассказывай, – сказала она, – как все было.

– Начинать сначала?

– Да.

– В начале сотворил Бог небо и землю, – сказал я важно, – Земля же была безлюдна и пуста, и тьма над бездною...

Она поморщилась.

– Не надо мне эрудицию показывать. Не «безлюдна», а «безвидна», кстати.

– Нечестно в Гугл подглядывать, – уличил я. – Хотя что это я, разве от полиции можно чего-то еще... Да еще от женщины?

– Ладно, – сказала она, – начиная от момента, как мы подъехали к твоему участку в коттеджном поселке.

– Разве я не рассказал?

Она ответила уклончиво:

– Ты мог пропустить какие-то важные моменты.

Я повторил, что сидел на диване и смотрел футбол, а тут они двое прибыли и начали задавать такие пугающие вопросы, что я испугался, теперь буду законно требовать, чтобы мне выплачивали повышенное пособие до конца жизни, потому что это психическая травма на всю жизнь, а если откажутся, то я как демократ и общечеловек по судам их затаскаю, а меня еще в блогах прославят, потом мемуары напишу.

Она слушала внимательно, время от времени бросала взгляд на экран. Понятно, анализаторы процеживают каждое мое слово и каждый жест, взвешивают и сравнивают, выдавая некие невидимые мне отсюда рекомендации.

– Ты не выглядел достаточно взволнованным, – сообщила она.

– Это я уже перегорел, – пояснил я. – Сперва испугался так, что... уж извините, не при женщине будь сказано... вы ведь женщина?... а то это стирание гендерных различий... в

общем, говоря округло, я испугался очень-очень. До икотки вследствие жуткого нервного стресса. Но, правда, когда мы были в том цехе, а со спины ворвались ваши brave киборги, я вообще испугался так, что вторая икотка выбила первую, и я чуть не помер от нечеловеческого испуга.

– В машине ты не икал, – произнесла она воркующим голосом, но с той интонацией, когда никак не могут решить, что им даст больше: оставаться в рамках официального «вы» или перейти якобы на дружественное «ты». – Ты вообще какой-то заторможенный... а потом слишком шустрый.

– А в среднем, – пояснил я, – самый что ни есть средний и законопослушный гражданин. Демократ и либерал, но государственный либерал!

– В самом деле?

– Точно, – заверил я. – Во мне весь спектр! Потому я абсолютно серый. Со мной надежно, как со всеми серыми.

К нам направился, цепко держа меня взглядом, крепкий мужик с намечающимся брюшком, Мариэтта сразу насторожилась и даже поднялась со стула.

– Отведи его в комнату для допросов, – распорядился мужик. – Сними показания, а потом пусть идет домой.

– Меня должны отвезти, – заявил я независимо. – Я свои права гуманиста и как бы человека знаю!

Он поморщился.

– Да, конечно. Спасибо за сотрудничество.

Мариэтта сказала мне быстро:

– Вставай, идем!

Комната для допроса оказалась через два кабинета в глубине офиса, абсолютно пустая, если не считать стола с утопленными в пол ножками и двух стульев по обе стороны.

Она указала мне, на какой сесть, сама повернулась к двери, и тотчас же вошел улыбающийся полицейский, толстый и довольный, губы лоснятся, только что пообедал, вытерся рукавом и сказал жирным голосом:

– Мариэтта, можешь идти. Все материалы получишь позже.

Он сел напротив меня, глаза стали внимательными, но голос прозвучал все так же благодушно:

– Я лейтенант Королев. Сперва несколько тестовых вопросов...

– А где детектор брехни? – спросил я. – Или как его, полиграф?

Он довольно улыбнулся.

– Хай-тек наконец-то добрался и до полиции. Теперь это бесконтактное. И эта, как его...

– Беспроводное, – подсказал я.

– Во-во, – ответил он. – Оно самое. А теперь давай побыстрому проведем небольшой тест. Поверь, мне самому это неинтересно. А чем быстрее закончим, тем быстрее... гм... закончим. Так что постарайся отвечать быстро и без раздумий.

Я кивнул, дескать, все правильно, это потому, что он хо-

чет побыстрее закончить, а не потому, что нужны быстрые и бездумные ответы, по ним проще составить психологический портрет и легче понять, где врут, где нет.

Спрашивал он в самом деле быстро и небрежно, время от времени поглядывая на экран монитора, все-таки вопросов сотни, все в памяти не удержать, хотя вижу, по крайней мере треть задал, не глядя на экран, а это значит, специально заточенный на это дело. Форма полицейского всего лишь форма, на меня тоже можно ее одеть, если оглушить или сильно напоить, так что это психолог, работающий или подрабатывающий в полиции.

Несмотря на заверения, что все пройдет быстро, мне показалось, опрашивает чуть ли не час, настолько много быстро выстреливаемых вопросов, дескать, торопится закончить неинтересное ему дело, скорее бы отгавкаться и пойти смотреть футбол.

Я почти взмок, когда он вздохнул с огромным облегчением и поднялся.

– Все!.. Закончили!

Я тоже встал, поинтересовался:

– Все, я свободен?

Он с хитрым видом покачал головой:

– Это я свободен. А тебе надо дождаться результатов проверки теста. Но это не больше десяти минут. Потом тебя отвезут домой.

Он отряхнул ладони и с подчеркнуто великой охотой вышел из комнаты.

Я обвел взглядом стены, на одной широкое зеркало, реликт тех древних времен, когда с той стороны копы наблюдали за допросами и сразу строили версии. Из комнаты допроса это выглядит как обычное зеркало, можно подойти вплотную и рассмотреть прыщи на морде, выдернуть волосок из носа, а с той стороны сквозь прозрачное стекло наблюдают подозреваемого в те моменты, когда он полностью расслаблен и сосредоточен на себе.

Сейчас все автоматизировано, запись ведется со всех сторон, но все же по старой памяти копы предпочитают всматриваться сами, доверяя себе больше, чем аппаратуре.

Вот только не знают, что я не только вижу их, но если повернусь правым ухом и сосредоточусь, то начинаю слышать гораздо больше, чем слышал раньше.

Они собрались там втроем: Мариэтта, этот психолог и начальник участка, озабоченные и явно встревоженные, а психолог, что проводил со мной тестирование, им втолковывает:

– Это тот случай, когда придется анализировать заново... Нет-нет, не допрос, это же был не допрос, а простая беседа, у нас же нет поводов его арестовывать... В общем, странное сочетание! Ваш клиент вроде бы типичный ленивый дурак, просиживающий перед жвачником всю жизнь. Когда я заговорил с ним о футбольных командах, он прямо загорелся энтузиазмом!.. Я никогда не подумал бы, что можно хранить

в памяти все матчи всех команд, кто когда забил и на какой минуте, у кого какой тренер и кто предпочитает собак перед кошками!

Мариэтта напомнила:

– Вы сказали, сочетание.

Он вздохнул.

– С другой стороны... даже не знаю, как сказать. У него есть пара черточек, врожденных или приобретенных... вы только не смейтесь!.. человека... способного убивать.

Она поморщилась.

– Да ладно тебе, фрейдист. У кого из нас их нет? Мне вот, когда смотрю, как жрешь бутерброды, роняя крошки на клавиатуру, всегда хочется тебя убить на месте. Но как-то удерживаюсь. Хоть и с трудом. Пока что.

Психолог покачал головой:

– У нас у всех так глубоко, что уже и не достать. А у этого твоего пациента на поверхности. Я проверил на десятках тестов, и все выдают примерно одинаковый результат.

Начальник участка проворчал угрюмо:

– То-то ты просидел с ним втрое больше времени. Хотя с работы стараешься выскочить первым.

– Какой результат? – спросила Мариэтта.

– Может убивать, – сообщил психолог, но сообщил без особой уверенности. – Без охоты, по необходимости, но убьет без колебаний. Самое шокирующее в выводах, что потом либо посмотрит кино, либо почитает книгу. Аппетит

ему тоже не испортит.

Я подумал с удовольствием, что у меня, оказывается, устойчивая психика. Или же я просто непрошибаем, как корова, у которой эмоций хватает только на «Му-у», хотя, конечно, приятнее чувствовать себя суперневозмутимым.

Мариэтта покачала головой.

– И к психотерапевту не побежит?..

– Точно.

Она задумалась, наморщила лоб.

– Странное и невероятное сочетание. Что говорят Вавилов и Костенко?.. Они же всегда смотрят твои собеседования?

– Не всегда, – ответил психолог, – но на этот раз смотрели оба. Разводят руками и мямлят, что в нем живут два человека. Но не по отдельности, а во взаимопроникновении, если можно так сказать. Оба щеголяют терминами, но мне кажется, от собственной растерянности. И вообще, говорят, как всегда в таких случаях, что им нужно больше времени для выводов. И, наверно, повысить зарплату.

Начальник участка сказал сердито:

– Мы не можем его больше задерживать. Отвезите обратно, но предупредите, чтобы не покидал их поселок.

Мариэтта сказала осторожно:

– Это не в нашем праве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.